

Гюлюш Агамамедова

18+

Город-призрак

Гюлюш Агамамедова

Город-призрак

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Агамамедова Г. Ч.

Город-призрак / Г. Ч. Агамамедова — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-532-98980-1

"Город - призрак" - книга, состоящая из 21 новеллы. Большая часть из них - фантастические новеллы. В наше время скорость развития человечества увеличилась в разы, фантастика превращается в реальность намного быстрее, чем во времена Жюль Верна. В новелле "Город-призрак", написанной в 2002 году и вынесенной в заголовок книги, присутствует описание видео чата. В то время такой связи еще не было. Большинство из новелл печатались в прессе. В книге также представлены новеллы, основанные на реальных событиях. На обложке книги - картина "Мой город" азербайджанского художника Мусеиба Амирова.

ISBN 978-5-532-98980-1

© Агамамедова Г. Ч., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Город – призрак	5
Библиотека	25
Путешествия в будущее и прошлое	32
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Гюлюш Агамамедова

Город-призрак

Город – призрак

Он шел по весеннему городу, не узнавая его. Громадные многоэтажные монстры, выросшие с ужасающей быстротой грозили захватить город и установить в нем свою диктатуру. Свирепые гигантские постройки, хаотически расположенные на всей территории нового города, совершенно непохожего на прежний, спокойный и заботливый, напугали Малика Гафура, вышедшего из дому в этот весенний ласковый вечер, в надежде проснуться после зимней спячки и вновь ощутить себя молодым и сильным. Он не переставал оглядываться по сторонам. Он не узнавал улиц, знакомых с детства, не мог почувствовать прежний аромат, и внезапно очевидная и от того еще более пронзительная мысль посетила его. Он вдруг подумал, что уже не молод. Первый признак уходящей молодости: он становится брюзгой и начинает тосковать по прежней жизни, прежнему городу.

Ничто не радовало Малика весенним вечером. Ни трава, пробивавшаяся сквозь бетон, вопреки бесконечным попыткам людей загнать ее в подземелье, ни птички, прилетевшие в железобетонный город, ни красивые девушки, весной становившиеся дразняще привлекательными. Он бесцельно слонялся по незнакомым улицам и с каждой минутой чувствовал себя все несчастнее. Горестные мысли о проходящей жизни, так и не подарившей несказанной удачи, маячившей столько лет перед глазами, были прерваны звонком мобильного. Малик посмотрел на табло, номер не высветился на экране, отвечать не хотелось, и он отключил аппарат. Проходя сквозь извилистый лабиринт улочек, застроенных когда-то одно-двухэтажными трогательными домами, он то и дело наткнулся на строительные площадки, котлованы, отбирившие у престарелых домов их законные владения. Он представил, как не позже, чем через несколько месяцев, на месте прежних домишек вырастут посеянные зубы дракона – новые железные солдаты. На одной из улочек, идя по узкому тротуару, он наткнулся на девушку, непонятно почему неподвижно стоявшую в пыли, окутавшей плотной завесой очередную стройку. Она застыла в горестном созерцании и не могла оторвать взгляда от полуразрушенного старинного дома. Фасад дома был снесен, и с улицы просматривалась внутренняя сторона, лишенная перегородок и перекрытий. Где-то остались обрывки обоев, пестрела выгоревшими пятнами облупившаяся краска. Призраки ушедших в былое событий и людей глядели со стен разрушенного дома. Малик внимательно посмотрел на девушку, вообразил, что она могла чувствовать. Девушка, заметив любопытный взгляд Малика, очнулась и решительно пошла вперед. Малик проводил ее взглядом и подумал о том, что лет пять назад он обязательно попытался бы завязать знакомство, повздыхал, но не успел огорчиться; в тишине снова раздался звонок. Малик удивился, точно помня, что телефон отключен. Недоумевая, он вытащил трубку из кармана, взглянул на табло и вздрогнул. На экране отключенного мобильного появилось четкое изображение странной физиономии. Удлиненное бледное лицо с оттопыренными ушами и черными немигающими глазами с огромными зрачками глядело на него. Малик машинально спросил изображение, почему-то не сомневаясь, в том, что ему ответят:

– Кто ты?

– Не все ли равно?

Малик не удивился и тогда, когда услышал в ответ механический, лишенный всяких интонаций голос.

– Как ты смог до меня дозвониться, ведь телефон отключен?

– Спроси что-нибудь поинтереснее, например, как ты предполагаешь выбираться из ... ,голос помолчал и продолжил совсем тихо, – из дерьма.

– Простите, как Вы сказали? Откуда выбираться?

Лицо странно задергалось. Малик не сразу догадался, что незнакомец смеется.

– Оттуда! Из кошмара!

– Вы меня с кем-то перепутали, – Малик вздохнул, – я не могу сказать, что все в моей жизни распрекрасно, но будет неправдой утверждать, что все так уж плохо!

Разговаривая с незнакомцем, Малик продолжал идти по узкой улочке, стараясь не свалиться в канаву, идущую вдоль тротуара. Подняв глаза, он наткнулся на тот же полуразрушенный дом и девушку, в оцепенении стоявшую перед ним. Малик повертел головой, пытаясь определить, в каком направлении он двигался. Решив про себя, что ходил по кругу, он остановился рядом с девушкой. Незнакомец с экрана телефона продолжал вещать:

– Иди вперед! Не смотри по сторонам! Не отвечай ни на какие провокации! Как можно меньше общайся! И самое главное! Не забывай: ты в чужом городе. Твой город ушел в прошлое вместе со старыми домами и прежней жизнью. Ты сейчас находишься не просто в чужом, ты живешь, сам того не ведая, во вражеском городе. Я поставил эксперимент и вижу, что он удался. Никого не слушай и никого не жалея!

– Кто ты? Чего тебе от меня нужно? Почему ты вмешиваешься в мою жизнь?

Малик закричал и невольно обернулся на девушку. Она вскинула на него печальные глаза и стала таять вместе с разрушенным домом. Малик раскрыл рот от удивления. Соседний недостроенный громаднейший дом вдруг покачнулся, одна из балок, криво висевшая на самой верхотуре оторвалась и понеслась со страшной скоростью на Малика. Он едва успел отскочить и тут же упал в канаву. Больно стукнувшись головой, Малик потерял сознание и неизвестно сколько времени пролежал на дне канавы. Когда он пришел в себя, первое, что он увидел – низко висящие над ним звезды, мерцающие холодным светом. Ему даже показалось, что одна из них вдруг качнулась и стала медленно двигаться к Земле. Малик попытался подняться, ойкнул несколько раз, ощутив пронзительную боль, и с трудом встал на ноги. Прихрамывая, он побрел в сторону оживленной улицы, в надежде сесть на какой-нибудь автобус и вернуться домой. С трудом дойдя до улицы, похожей на главную магистраль преуспевающего, зажиточного села, он остановился в толпе людей, одетых исключительно в черный цвет, очень напоминающих ворон. Странное впечатление от когда-то изысканного проспекта, сияющего многочисленными огнями и монолитными домами. Огни и дома были те же, но что-то неуловимо изменилось. Неопрятные тротуары, асфальт, положенный неровно, многочисленные стада мини-автобусов, не подчиняющиеся никаким правилам уличного движения, и, главное, люди. Бесконечно пререкающиеся, озлобленные, уставшие с самого раннего утра, неулыбчивые люди ходили по этому проспекту и всем другим улицам завоеванного ими города.

Малик, который раз пережевывал свои невеселые размышления, как вдруг к нему подбежал один из них и вежливо, в его понимании, обратился к Гафуру:

– Слушай, друг, как там тебя, ты бы мог одолжить свою мобилу? Мне только на минутку, позвонить. Я сразу же верну тебе твою трубку. Я же понимаю, денежки капают. Все мы сейчас считаем наши кровные денежки. Да ты не беспокойся, я тебе заплачу. Сколько наговорю, столько и заплачу. Я тариф знаю. – Незнакомец развязно подмигнул Малику.

Тот молча протянул незнакомцу трубку. Человек усмехнулся, набрал номер, который он, видимо, выучил наизусть совсем недавно, потому что при наборе он шевелил губами, вспоминая каждую последующую цифру. Громко повелительным тоном прокричал в трубку, что «он ждет до полуночи, а дальше пусть обижаются на себя. Все будет так, как договаривались». Человек разъединился с невидимым собеседником и с той же усмешкой вернул Малику трубку, не забыв сунуть ему в карман мелкую купюру. Малик не успел что-либо ответить незнакомцу и вернуть ему его деньги, такие неуместные в подобном случае.

Деньги казались Малику неуместными во многих случаях. Он не переставал удивляться тому, как люди в новом городе обращались с деньгами. Деньги для них были самым главным мерилом личности. Человек, умеющий зарабатывать деньги, мог позволить себе все. Он становился эталоном для общества; никто более не заботился об устаревших, ставших ненужным хламом и так восхваляемых прежде «моральных ценностях». Они ушли в прошлое.

* * *

Малик засунул руку в карман, с недоумением вытащил скомканную мелкую купюру и брезгливо выбросил ее. Он не смог объяснить себе, почему он поступил таким образом. Он перестал задавать себе вопросы, будучи уверенным, что он не сможет, при всем желании, разумительно ответить. Придя домой, он улегся в одежде на кровать и уставился в потолок, раздумывая над странным сегодняшним собеседником. Малик не мог с определенностью сказать, что смущало его в незнакомце. Среди людей, наводнивших его когда-то родной город, встречались такие странные типажи, что он перестал удивляться разнообразию людской природы. Малик задремал. Его беспокойный сон был прерван настойчивым, повторившимся несколько раз, звонком в дверь. Он поднялся, протер заspanные глаза и торопливо распахнул дверь. За дверью стояли двое незнакомых мужчин. На вопрос Малика, старший по возрасту, вытащил из внутреннего кармана куртки удостоверение и ткнул им под нос Гафуру. Малик успел лишь прочесть «майор»; мужчины стремительно вошли в прихожую и бесцеремонно, не спросив разрешения у хозяина, прошли в гостиную, оставляя на паркете следы от мокрых ботинок.

– Значит так, уважаемый Малик Гафур, – неспешно, с расстановкой, глядя на Малика проговорил майор, – значит так, вы сейчас собираетесь, машина ждет у подъезда и мы едем с вами, вы знаете, куда. Я думаю, вы взрослый человек и понимаете, что шутить с нами не стоит. По дороге обдумайте ваше положение. Самое лучшее для вас – во всем сознаться, а дальше будет легче.

Гафур сидел на стуле, разглядывая собеседника. Прежде чем ответить, он несколько раз провел рукой по волосам – жест означающий у него степень крайней взволнованности.

– Извините меня за мою непонятливость, но я не представляю, о чем идет речь. В чем я должен сознаться? Я в растерянности и недоумении.

Второй мужчина, все это время с обожанием взиравший на майора, обернулся на Гафура, затем снова перевел умильный взгляд на своего начальника. Майор усмехнулся:

– Уважаемый Гафур, я и не сомневался, что вы будете все отрицать. Поэтому беседовать с вами мы будем не здесь, а в другом, более подходящем для этого месте. А сейчас я хочу попросить передать мне ваш мобильный телефон. Ведь у вас есть мобила, да?

– Есть, я купил его по случаю. И что в этом криминального? Я не понимаю.

– Ах, мой дорогой, как вы себя выдали, своим заявлением! Ведь почти во всем сознались. У меня и свидетель есть. Как ты считаешь, Мустафа? А, Мустафа? Ты слышал? Наш клиент, сам, сам сказал о криминале. Ты слышал?

Мустафа ожесточенно закивал. Майор с удовлетворением продолжил:

– Так что, дорогой Гафур, ваше признание у меня в кармане.

Малик почувствовал, как покрывается испариной:

– Я имею право знать, в чем вы меня обвиняете? Есть у меня такое право или нет?

– Есть, конечно, есть, дорогой. Мы тебе все расскажем, только не здесь. Собирайся. Я сегодня доброй, и потом, я же понимаю, я сам интеллигентный человек, – тут он подмигнул Гафуру, – не чета многим, у меня дома почти столько же книг, как и у тебя, дорогой.

Майор закончил вступительную часть и естественным образом стал «тыкать»:

– Собирайся, и поедем. Наверняка ты стер этот звонок, это неважно, он все равно зафиксирован у оператора, и никуда тебе не деться, уважаемый. Все улики против тебя.

Малик попытался встать и не смог, ноги отказывались служить ему. Совсем недавно, пережив смерть своего самого близкого друга, Малик неделю не мог подняться с постели; у него отнялись ноги. Сейчас он почувствовал те же симптомы. Он сделал еще одну бесполезную попытку. Майор и его товарищ с подозрением смотрели на него.

– Ну, ну, дорогой, не устраивай нам представление. Мы всякое видели на своем веку. Вставай и поживее.

Майор подошел к Гафуру, схватил его за воротник рубашки и попытался поднять со стула. Ворот рубашки врезался Малику в шею и стал душить, лицо его побледнело. В наступившей зловещей тишине, прерываемой тяжелым дыханием Малика и майора, резко прозвучал звонок мобильного телефона. Майор отпустил Гафура и приказал:

– Отвечай. Веди себя так, как будто ты один, ты понял, гаденыш?!, – последнее слово майор просипел утробным голосом.

Малик испытывал странное чувство ирреальности. Ему казалось, что он смотрит на происходящее со стороны. Как будто это не у него отнялись ноги, не у него в доме сидят люди в черном и что-то пытаются от него заполучить. Майор схватил телефон и сунул его в руки Гафуру. Малик нехотя нажал на кнопку ответа. На экране появилась давешняя странная физиономия. Майор подошел к Малику и взглянул на экран. Человек на экране оживился, насколько такое бесстрастное лицо могло оживиться:

– А, я вижу, у тебя гости? Я тебя предупреждал. Не поверил ты мне, а зря.

Майор от удивления опустился на стул рядом с Маликом. Он хотел что-то спросить, но голос не слушался его. Между тем незнакомец продолжал:

– Гости чувствуют себя хозяевами в твоём доме, я угадал? Да разве только в доме? Они хозяйка вашей жизни! Малик, ты должен пройти всю дорогу, чтобы что-то понять. А гостей нужно привечать, на то они и гости. Пока, Малик! До встречи!

Во все время разговора майор и его товарищ не могли прийти в себя от изумления. Подчиненный майора безумно вращал глазами, не в силах остановить взгляд на конкретном предмете. Тяжелое дыхание майора выдавало застарелую астму. Малик сидел, забыв о своих гостях. Первым очнулся майор:

– Какая у тебя техника. А прикидываешься интеллигентом, оторванным от мира. Ты посмотри, Мустафа! Я слышал, что есть уже такие телефоны. Этот тип с экрана видел все, что происходит здесь, понимаешь? Мустафа! Нет, ты понимаешь?!, – Майор справился со своим дыханием, щеки его порозовели. Он вскочил и стал возбужденно ходить по комнате. Мы с тобой, наивные дураки, предполагали, что Малик Гафур – мелкая сошка. Ну, не совсем так, шантажист, киднапер!

– Начальник, как ты сказал? Кид на пер?, – Мустафа преданно, не мигая, смотрел на майора.

– Ээээ...., какая разница, как я сказал, Мустафа! Я не с тобой, я с собой разговариваю. Не сбивай меня, Мустафа. Этот Малик Гафур, оказывается, резидент иностранной разведки. Не зря у него такое странное имечко. Его специально придумали, и не где-нибудь, а на Западе. Ты понимаешь, Мустафа?

Мустафа осмелился лишь кивнуть. Майор возбужденно продолжал:

– Поэтому... именно поэтому они ему дали такой идиотский псевдоним. Что они знают о Востоке? «Тысяча и одна ночь» – вот предел их познаний. Малик Гафур – они вытащили имя оттуда. А? Малик, я ведь попал в точку? Мустафа, твой начальник умный человек, очень умный! Учись, пока я жив.

Мустафа восхищенно покачал головой, выкатив до предела, бараньи, карие ласковые глаза. Малик тихонько тер то одну, то другую коленку.

– Ну что, уважаемый? Поехали?

Гафур сделал усилие, чтобы подняться, и со стоном опустился на стул.

* * *

В голове майора происходила усиленная работа мысли. Расклад менялся на глазах. Если Гафур и в самом деле был связан с иностранной разведкой, то действовать обычными методами: тащить его в машину, надавать ему по шее и выбить из него любое показание, неосмотрительно. Еще чего доброго можно нарваться на международный скандал. Майору было глубоко плевать на любого уровня скандалы, но вот полететь с насиженного места, обеспечивающего безбедное существование его семье и ближайшим родственникам, никак не хотелось. И во что превратился бы майор, лишившись выстраданного места? Умный и циничный человек он прекрасно понимал, что без поста он всего лишь отработанный материал, который при первой же возможности выбросят на свалку люди, ловящие сегодня каждое его слово. Оценив сложившуюся ситуацию, он изрек:

– Значит так. Я вижу, что Гафур не транспортабелен.

– Как ты сказал, начальник?, – Мустафа заискивающе заглянул в глаза майору, стараясь не рассердить его.

– Я сказал, что ты останешься здесь и будешь следить за Гафуром; ну и поможешь ему, если нужно. Мы же не звери, люди, – он похлопал по плечу Малика и выразительно посмотрел на Мустафу, – а когда он придет в себя, тогда мы с ним и поговорим.

– А может, я, начальник, с ним поговорю?, – глаза Мустафы загорелись хищным огнем.

Майор оценивающе посмотрел на него, открывая в своем подчиненном новые качества:

– Не нужно, Мустафа. Не смей, я тебе запрещаю говорить с Гафуром. Я сам буду на связи. Ты меня понял? Хорошо понял?!, – Мустафа торопливо закивал.

Майор поспешно вышел, радуясь возможности хоть на некоторое время избавиться от Мустафы, ходившего за ним тенью уже несколько месяцев. Недавно поступивший на службу Мустафа, проявлял необыкновенное рвение, отягощенное трудным восприятием. Майор первое время раздражался до крайности, видя рядом с собой восторженную физиономию Мустафы. Он попытался избавиться от него и порекомендовал Мустафу своему коллеге в качестве помощника. В тот же день майора вызвали к начальству и подробно объяснили многочисленные достоинства Мустафы, а среди них одно из самых главных: наикратчайшая цепочка родственных связей с одним из самых влиятельных сановников их ведомства. Майор проглотил наставления начальника. Не видя энтузиазма у своего смышленного подчиненного, начальник напоследок решил его подбодрить:

– Ты не понимаешь своей удачи. Мы приставили его к тебе, потому что считаем тебя перспективным кадром! Понимаешь? Ты же не мальчик, я могу с тобой говорить откровенно. Мустафа далеко пойдет, понимаешь? Вот тогда он о тебе вспомнит! Попомни мои слова!

Майор еще больше скис, представив себе радужную перспективу работы под начальством Мустафы, но больше не выказывал недовольства и терпеливо отвечал на многочисленные незатейливые вопросы Мустафы. Майор догадался, правда, не сразу, что перед Мустафой была поставлена сверхзадача – разобраться, хотя бы в общих чертах, в чем состоит работа в ведомстве. Задача, как оказалось, для Мустафы непосильная, что, однако, не умерило его пыла и не разрушило обоснованных надежд на счастливое будущее. Майор ничего не стал менять в отношениях с Мустафой, он по-прежнему относился к нему покровительственно, с легким оттен-

ком пренебрежения. Время от времени он ловил себя на мысли, что если судьба распорядится так, что Мустафа и в самом деле станет его начальником, то ему придется окончательно сломать свой хребет, и без того измученный бесконечными упражнениями на гибкость. Мысль, не дававшая ему покоя и вносявшая в жизнь майора элемент нестабильности.

Встреча с Гафуром подстегнула непривычные для майора размышления. Он давно уже не задумывался над зряшным вопросом, для чего он, в сущности, живет? С этим беспокойным делом, «пустыми размышлениями», не приносящими никакого реального дохода, он покончил в ранней юности. И совершенно неожиданно для себя, встретив Гафура, он как будто вновь вернулся в подростковый период полового созревания. Его опять стали мучить вопросы, не имеющие ответов. Как могло случиться, что в наше прагматичное время, когда ушли в прошлое идиотские, с точки зрения майора, понятия о морали, мог выжить такой «архаичный тип», как Малик Гафур. А ведь он еще не старый, вероятно, они ровесники. Интересно, как он будет общаться с Мустафой, человеком не только не тронутым цивилизацией, но к тому же «девственным» во всех других отношениях.

Мустафа объявился на следующий день. Скучный, без обычного чрезмерного оживления, он буднично доложил, что Малик Гафур никуда из дома не выходил и ни с кем не общался. Докладывая, он не ел глазами майора, а смотрел в сторону. Майор, с удивлением наблюдавший за Мустафой, подумал о том, как все-таки человек, испорченный бациллой образованности, может влиять на окружение. Взять хоть Мустафу. Майор был уверен, что цельная натура Мустафы не может измениться ни при каких обстоятельствах. То, что он наблюдал, говорило об обратном.

– Послушай, Мустафа. Мне не нравится твое выражение лица. Смотри мне в глаза. В глаза, я сказал! – Майор повысил тон, и строго посмотрел на Мустафу, – Ты обманываешь меня, своего начальника. А это не хорошо. Я знаю, что Малику звонил тот самый тип, и ты это знаешь еще лучше меня. Зачем ты пытаешься меня обмануть. Скажи своему начальнику. Я пойму!, – майор сменил гнев на милость.

– Какой ты умный, начальник. Да, звонил. Я не все понял. Малик объяснял мне. Долго объяснял, только я не все понял, начальник. Не трогай Малика, он хороший человек. Тот, другой, мне тоже сказал, что если Гафура обидим, нам тогда плохо придется, – Мустафа робко, заискивающе посмотрел на майора.

– Как ты сказал, Мустафа? Плохо придется? Кому? Этот юродивый еще нам угрожает? Я правильно тебя понял?

– Нет, начальник, неправильно. Не он, не Малик. Тот другой, который звонил.

Мустафа со страхом вспомнил, как человек, позвонивший Малику и возникший на экране, вдруг вытянул руку и этой длиннющей, страшной железной рукой притянул к себе Мустафу. Несчастный потерял всякую способность соображать, и так не очень развитую у него. Он только чувствовал животный страх и понимал, что если сделает что-нибудь такое, что не понравится Малику Гафуру, то его сытой жизни разом придет конец.

– Пошел вон, – только и сказал страшный человек с железной рукой и бросил Мустафу, как тряпку, на пол.

Мустафа не мог рассказать майору, что произошло. Никак не мог. Во-первых, он боялся железной руки, и этот страх был сильнее всех других. Во-вторых, как он ни был глуп, он понимал, что такое рассказать невозможно, хотя бы потому, что после рассказа к нему, возможно, позовут доктора и отправят на лечение.

А майор продолжал недоумевать.

* * *

Гафур, после ухода Мустафы почувствовал необыкновенную легкость. Он вновь оценил свою относительную свободу и возможность жить, не сверяя свои реакции и ритм жизни, с кем-либо, пусть немного похожим на Мустафу. Эпизод, повергший бедного Мустафу в состоянии близкое к умопомешательству, в некоторой степени позабавил Малика. Не то, чтобы ему приходилось ежедневно общаться с пришельцами, нет! Обстоятельства сложились таким образом, что он каждый день сталкивался с чуждыми ему людьми, заполонившими в последнее время его родной город и почти столь же загадочными для Малика, как инопланетяне. Малик постепенно привык к их присутствию. А эффектное явление пришельца, к тому же с дешевым трюком: рукой, тянущейся с экрана телефона, совершенно не повлияло на Гафура, столь подверженного всякого рода впечатлениям. Больше всего его развлекла реакция Мустафы. Развязный Мустафа, учивший Малика уму разуму, не смущаясь никакими внешними признаками, в одно мгновение стал таким почтительным и предупредительным, что Гафур на некоторое время забыл о своих проблемах и ностальгии, наблюдая за искусным перевоплощением. Наконец, он смог оценить этих людей. У них было одно непревзойденное качество, которого были начисто лишены Малик Гафур и люди, подобные ему, оставившие город на растерзание варварам. Они обладали лицемерием, возведенным в ранг искусства. Так удивительно сыграть, прожить почтение мог лишь человек, в жилах которого течет кровь нескольких поколений талантливых перевоплощенцев. «Люди без лица». Малик нашел определение, наиболее подходящее для этой категории варваров, и улыбнулся, как будто от того, что он смог хоть как-то квалифицировать категорию людей, активно мешавших ему жить, ему стало немного легче.

В распахнутое по случаю весны окно влетел ветерок и вместе с ним воздушным облачком, подражая неподражаемой Мэри Поппинс, влетела девушка. Та самая, что рассматривала вместе с Гафуром руины старинного дома. Она грациозно спустилась с облупившегося подоконника и с интересом стала обследовать жилище Гафура. Малик удивился, но решил не задавать вопросов, зная, что девушка не сможет долго молчать и обязательно все расскажет сама. Все получилось именно так, как он и предполагал. Обойдя комнаты и неодобрительно покачав головой в кухне перед полной грязной посуды раковиной, она изрекла:

– А на вид такой интеллигентный человек! Мне даже захотелось с вами пообщаться. А этого со мной не случалось уже много лет.

– А что вам не понравилось, милая девушка?

– Разве можно жить в такой грязи? – брезгливо сморщив носик, произнесла девушка.

– Можно, – с достоинством произнес Гафур, – разве это грязь? Грязь – нечто совсем другое.

– Я так и знала, а все же надеялась. Напрасно, как оказалось!

– Вы говорите загадками. Впрочем, как и полагается такой симпатичной девушке. На что вы надеялись?

– Это же просто! Надеялась, что вы не будете жонглировать словами и понятиями, а будете делать что-то конкретное. Для начала помоете посуду. Да, да, так просто, прежде чем говорить о высоких материях, я угадала ваше любимое занятие? Помыть посуду. Вы же собирались рассуждать о грязи. Рассказать мне о различии между грязью элементарной физической и моральной? Я не права?

– Ну, моя дорогая, если вы научились простейшим приемам телепатии, это еще не значит, что нужно забыть о вежливости!

– Это вы забыли о вежливости, – девушка широко раскрыла глаза и похлопала длинными ресницами от возмущения, – Вам не мешало бы предложить даме вина, или на худой конец, чаю. Чай у вас есть?, – деловым тоном спросила девушка.

Малик, смущенный конкретным вопросом, задумался:

– Конечно, такая проза жизни не может волновать вас.

– Послушайте, почему вы разговариваете со мной подобным образом? То, что у вас приятная внешность, и вы летаете, как птичка еще не дает вам права говорить со мной таким тоном. Я вам не муж!

– Во-первых, я летаю не как птичка. И только рассеянный человек мог этого не заметить. Я летаю, как Мэри Поппинс, а может, даже лучше, чем она, – девушка выпрямилась и постаралась придать своей тоненькой фигурке величавую осанку, – а во-вторых, я говорю с вами, ну, – протянула она, – стараюсь говорить нормальным тоном.

– Стараетесь, но у вас это плохо получается, как и у вашей кривляки Мэри.

– Не будем сориться, прежде чем познакомимся, – Малик вспомнил о том, что он выступает в роли хозяина, а не наоборот. Он открыл посудный шкаф и вытащил оттуда сухой чай.

– К чаю у вас, конечно, ничего нет? – неодобрительно спросила девушка.

– Нет, – отрезал Малик, – а раз вы такая необыкновенная, взмахните ручкой и доставьте сюда пирог. Давно мечтаю о пироге с кишмишом.

– Мечтайте дальше, не буду вам мешать. Печеное портит фигуру, – девушка замолчала, убеждая себя во вреде печеного. – А вы не хотите, наконец, спросить меня, почему я выбрала ваше окно. Почему я залетела к вам, где даже чаем не напоят.

– Я не буду ничего у вас спрашивать, вы сами все расскажете, если захотите.

– Да, вы правы, – девушка взглянула на Малика с интересом. Тут вы правы, я пришла к вам, чтобы расспросить вас о том, как вы живете. Я так скучаю, – она замолчала, и Малику показалось, что глаза ее наполнились слезами. – Я прекрасно устроилась там, – она небрежно махнула рукой в сторону раскрытого окна, – но ничего не могу с собой поделаться, я скучаю. Прошлый раз, когда мы встретились с вами, вы помните? Около моего разрушенного дома?

– Помню, я очень хотел подойти к вам. Но не успел, вы растаяли, как облако.

– Я была не в духе и совершенно не расположена к разговорам. Но, как видите, я вас тоже заметила. Позвольте представиться, меня зовут Иветта.

– А дальше?

– Иветта Кётлинг.

– Какое у Вас необычное имя.

– Да, меня называли в честь моей бабушки, а фамилию я взяла ее же, когда получала паспорт.

– Значит, вы похожи на бабушку, раз и фамилию ее взяли.

– В самом деле, похожа, только поняла я это, когда ее не стало. А в детстве я была уверена, что ни на кого не похожа. Одна такая, уникальная, похожая на саму себя. Любимая балованная внучка. Я выросла с бабушкой. У мамы были свои проблемы. Ей было не до меня. Ну, Вам, наверное, неинтересно слушать про мое детство.

– Очень интересно. Не каждый день встречаешь летающих девушек. Про них все хочется знать. – Малик заварил душистый чай и осторожно разливал его по хрустальным стаканам.

– Как замечательно пахнет чай. Забытый аромат, – Иветта поднесла к лицу стакан и с видимым удовольствием сделала глоток обжигающего чая. – Летать я научилась из крайней необходимости. Я очень скучала, а другого транспортного средства оттуда, где я сейчас нахожусь, нет. Меня отговаривали. Боялись, что разобьюсь. Но ничего, кажется, получилось. И по моему, не плохо? А вы как считаете?, – она застенчиво посмотрела на него.

– Замечательно, просто замечательно, – Малик широко улыбнулся и подумал, что она совсем не такая задавака, как ему показалось.

– Расскажите, пожалуйста, как вы живете. Мне очень, очень интересно. Знаете, как странно получилось со мной. Когда я жила здесь, и все вдруг сразу и ужасно переменялось, я думала, что если попаду в другое место, в новое, незнакомое место, то не буду больше переживать о прошлом. Конечно, я знала, что такое ностальгия, но мне казалось, что я сумею справиться с ней. Я сумела справиться, – она тихонько засмеялась.

Малик не дал ей досказать:

– Я знаю, вы научились летать.

– Да, именно так. И теперь хотя бы раз в месяц я прилетаю сюда, чтобы посмотреть, на вас на всех. На тех, кто еще не уехал.

– И как? – Малик затаил дыхание. Ему вдруг стало необыкновенно важно, что ответит почти незнакомая девушка. Как будто от ее ответа могло что-то поменяться в его жизни.

Она помолчала, отвела глаза, попила чаю:

– Вы же знаете все сами. Мы встретились с вами там, у разрушенного дома. Я ничего не могу с собой поделывать. Мазохистка. Наблюдаю за тем, как все превращается в прах, прямо у меня на глазах. Страдаю и не могу уйти совсем и оставить прошлую жизнь в красивом ностальгическом флере.

– Как вы изысканно выражаетесь.

– Это только с вами, я научилась уже по-другому тоже. Хотите послушать?

Малик в испуге отрицательно завертел головой.

– Нет, нет ни в коем случае.

В дверь позвонили. Малик вздрогнул. Он тихо на цыпочках подошел к двери, ему не хотелось принимать незваных гостей. За дверью Мустафа вытирал красную потную физиономию. Малик ни за что не хотел открывать дверь. Ему так хотелось продолжить беседу с Иветтой, а Мустафа настойчиво нажимал на кнопку звонка. Малик осторожно вернулся в кухню, чтобы попросить Иветту не производить лишнего шума некоторое время, и с разочарованием обнаружил, что девушка исчезла. В этом не было ничего удивительного. Малик знал совершенно точно, как ей удалось уйти. Она просто выпорхнула в раскрытое окошко, оставив на столе стакан с недопитым чаем.

* * *

Мустафа продолжал звонить в дверь. Звонки получались резкие, настойчивые, совершенно непохожие на те, к которым привыкла входная дверь Малика Гафура. Обычно немногочисленные знакомые и друзья Малика звонили очень деликатно и не более двух раз. Если хозяин не открывал двери, значит его нет дома, или по каким-то причинам он не желает принимать гостей, и самое разумное в этом случае не настаивать, а удалиться. Мустафе подобные мысли прийти в голову не могли. Да и просто мысли, как таковые, его посещали не так часто, лишь в экстремальных случаях. Не выдержал испытания Малик Гафур. Его тонкая нервная организация могла переносить серьезные нагрузки, но только при положительных эмоциях. Мустафа вызывал у Малика отрицательную реакцию. Гафур даже не пытался анализировать свои чувства по отношению к этому человеку. Малик распахнул дверь и встал на пороге, загромождавая вход в квартиру. Мустафа попытался протиснуться в небольшое пространство, между Маликом и косяком двери, но не тут-то было. Забыв о своей обычной деликатности, Малик решительно оттолкнул Мустафу. Тот покраснел, насунился. Малик, прочитав, как в раскрытой книге, все, что творилось в душе у Мустафы, насмешливо спросил:

– А что, дорогой, ты пришел, чтобы пообщаться со своим телефонным другом? Соскучился?

Лицо Мустафы из пунцово-красного стало бледным. Он вспомнил железную руку, свой страх и мгновенно поменял тактику. Из напористого малого он вновь превратился в приторно льстивого раба.

– Я просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь. Может, лекарство нужно какое? Ты скажи. Мы поможем.

– Самое лучшее для меня лекарство – это не видеть ваши физиономии. Твою и твоего начальника.

– А начальник тебе привет передает, – голос Мустафы звучал вкрадчиво. – Просил тебя прийти к нему.

– Куда к нему? В Вашу жлобскую контору? – Малик сам удивился вырвавшему слову.

Мустафа не стал переспрашивать, он и так не понимал больше половины из того, что говорил Малик Гафур.

– Нет, дорогой, он тебя приглашает в кафе рядом с твоим домом. Сегодня в три часа. Хочет поговорить.

– Хорошо, передай ему, что я приду.

Малик с облегчением закрыл за Мустафой дверь, невольно прислушиваясь к удаляющимся тяжелым шагам. Прошел в комнату. Опустился в старое продавленное кресло и погрузился в невеселые мысли. «И почему я задержался здесь, почему не последовал примеру стольких своих знакомых и друзей, твердивших в один голос, что необходимо уехать, оставить все, хорошее и плохое, в прошлом, в этом городе, и начать все заново где-нибудь подальше отсюда? Почему я цепляюсь, как за старые изношенные, но такие любимые штаны, за свою ушедшую в небытие жизнь? Нужно что-то менять. Продолжать бороться с ветряными мельницами глупо и небезопасно». Малик встал, размялся, стряхнув с себя оцепенение, и взглянул на часы, стоявшие на буфете. Стрелки медленно продвигались вперед и через каких-нибудь пятнадцать минут достигнут срока, назначенного начальником Мустафы. Малик оделся, пригладил рукой еще густую шевелюру и напоследок взглянул в зеркало. Как всегда, остался недоволен своей долговязой и, как ему казалось, нескладной фигурой.

На улице весна вступила в свои права. У Малика немного кружилась голова, как это с ним происходило каждую весну, и он постоял, прежде чем подойти к кафе, в котором майор назначил ему свидание. Простенькое кафе, приобретшее в последнее время облик, схожий в чем-то с новым характером города. Название кафе говорило само за себя: латинскими буквами было написано искаженное французское слово «Papillon». И рядом мерцающее изображение бабочки, чтобы люди, не говорящие на иностранных языках, смогли догадаться о значении вывески. Несмотря на время суток, не располагающее к шумному веселью, из кафе доносились громкие звуки музыки. Майор в одиночестве стоял под вывеской и внимательно изучал обстановку. Как только Гафур появился в поле его зрения, он моментально заметил его и широко улыбнулся.

– А вот и наш дорогой Малик Гафур. Я надеюсь, вы не забыли взять с собой ваш уникальный мобильник. Я думаю, в республике можно по пальцам пересчитать людей, у кого есть такой же. Я не удивлюсь, если окажется, что подобный телефон есть только у вас.

Малик потер лоб, сетуя на свою забывчивость. Идя на назначенную встречу, он не подумал о главной причине пристального внимания к своей особе. Он оставил телефон на столе.

– Извините, я рассеян и забыл о том, что мой телефон вызвал у вас такой интерес.

– Не только у меня, дорогой Малик, но и у моего подчиненного Мустафы. Он до сих пор не может прийти в себя.

Малик улыбнулся. Когда-то Малик серьезно занимался психологией. Эта область очень интересовала его, и он даже подумывал о том, чтобы стать профессиональным психологом, но жизнь сложилась совсем не так, как он предполагал, и психология стала его увлечением. По тому, как майор оглядел его, взял под руку и увлек за собой в кафе, Малик сделал вывод, что майор хочет расположить его к себе. Малику стало смешно, потому что никакой информацией, сколько-нибудь интересной майору, он не владел. Войдя в кафе, майор зорко оглядел небольшой зал, оставил Гафура и прошел вперед с явным намерением найти служебный выход. Малик непроизвольно вспомнил, что волки в незнакомой обстановке, в закрытой норе обязательно будут искать второй выход, чтобы воспользоваться им в случае опасности. Удивительно, как люди определенной профессии повторяют повадки волков. Майор выбрал укромный столик, спрятанный за густой растительностью, и широким жестом пригласил Гафура. Потом он помянул пальцем официанта, мгновенно отозвавшегося на зов.

– Значит, так. Прежде всего, вы уберете эту дурацкую музыку, включите что-нибудь для фона, но без завываний, понятно я говорю?

Официант усиленно закивал.

– И принесите нам чаю с лимоном и с сахаром.

Гарсон почтительно изогнулся. Малик представил, какую физиономию он скорчил бы, если такой же заказ сделал он, Малик Гафур. Официант не стал бы со вниманием выслушивать Малика, как в случае с майором. Заслышав слово чай, он бы мгновенно исчез. С тем, чтобы через полчаса принести полный джентльменский набор, в который войдет все, чего захочет официант. От варенья до орешков и непременно «сникерса». А самый сладостный момент для гарсона – наблюдать за клиентом, у которого вытянулась физиономия при виде счета, и со злорадством следить за тем, как он выворачивает карманы, надеясь найти там чудом завалявшуюся купюру.

Малик в полной мере прочувствовал разницу между собой, сомнительной внешности ни к чему непригодным интеллигентом, и хозяином жизни – сангвиником майором. Не прошло и минуты, как на столе уже стоял чай с горкой сахара в хрустальной вазочке и тонкими ломтиками лимона на блюдечке.

– Дорогой мой Малик, я очень хочу, чтобы мы поняли друг друга. Мы же с вами умные люди. Вы же понимаете, что в наше сложное время, – майор придвинулся к Гафуру и фамильярно похлопал по плечу, – мы должны помогать друг другу. И, как там, поется в песне, «Все у нас будет, как надо!»

Малик сидел, скрестив руки на груди. Он чувствовал себя прескверно. Не любил он эту картинную позу, но ему хотелось показать майору, что он, Малик Гафур, закрыт для майора и для всех, ему подобных. По тому, как майор пристально взглянул на Малика, он понял, что послание дошло до адресата. Майор знает о намерениях Малика.

– Вы все усложняете, дорогой Гафур. Я вовсе не собираюсь вербовать вас или предлагать внедриться в стан наших врагов за рубежами нашей родины. Я попросил о встрече, причем в вежливой форме, чтобы услышать от вас разъяснения по поводу некоего звонка с вашего мобильного телефона. Заметьте, я был с вами очень корректен, хотя не скрою, у меня есть возможность, – майор выпрямился и значительным тоном продолжил, – есть кое-какие возможности, не буду скрывать, говорить с вами другим образом и в другом месте.

Малик не отвечал и казался погруженным в свои мысли, ничего общего не имеющие с майором.

– Напрасно, господин Гафур, вы так упрямы, вы же знаете, мы найдем способ развязать вам язык. К тому же мы знаем некоторые подробности вашей личной жизни, – майор захи-

хикал, что совершенно не вязалось с его солидной внешностью. И все сказанные им грозные слова о невероятных возможностях показались Малику дешевым фарсом. – Мы знаем, что вы посещаете секту кришнаитов. Занимаетесь там всякой ерундой. Поклоняетесь богу со слоновьей головой. Я даже имя его запомнил. Сейчас, сейчас, напрягу память. Га, га...

– Ганеша, – не выдержал Малик.

– Он самый, ха-ха. Как только взрослому умному человеку такое в голову могло прийти! Слону какому-то поклоняться, – майор окончательно развеселился.

– Здесь хоть слон. Большой, сильный. А вот как вы поклоняетесь доллару? Это мне объясните. Он у вас самый главный бог. Разве я не прав?

Майор вспыхнул. Появилось желание дать этому дохляку под дых, чтобы не рассуждал о том, о чем не имеет ни малейшего понятия. Вспомнил о своей задаче – расположить к себе Гафура, вспомнил, некстати, о физиономии с мобильного и почти миролюбиво сказал:

– Не будем препираться, у каждого из нас свои ориентиры. Например, Мустафе мой выбор покажется вполне естественным, в отличие от вашего.

Малик впервые внимательно посмотрел на майора и удивился. Майор вдруг показался ему несчастным замордованным человеком, когда-то отказавшимся от себя в угоду ненасытной родне. Но только лишь на одно мгновение.

Майор собрался с мыслями:

– Я и без вашей помощи могу все выяснить. К нам поступил сигнал из еще одного источника. Я хочу вам помочь, – майор, заметив, что Малик не прикоснулся к чаю, стывшему в армуды, пододвинул его к Гафуру, приглашая таким образом поверить в его искренность.

Малик демонстративно отодвинул от себя стакан.

– Ну и почему же вы не воспользуетесь источником, как вы сейчас выразились?

– А потому, что я профессионал и хочу иметь полную картину. Вы должны меня понять. Что мы все вокруг да около ходим.? С вашего мобильного телефона звонили в тот день, когда украли сына нашего уважаемого и всеми горячо любимого Джаил муаллима. Мальчика нашли потом на заброшенной даче, и только после того, как отец выплатил приличные деньги, причем в долларах. Так презираемых вами долларах.

– Я этого не говорил, я просто сказал, что эти деньги стали вашим богом.

– Дорогой, да кем вы себя воображаете? Кто вы такой, чтобы читать мне мораль и судить меня? Да я вас в порошок сотру, если захочу, – майор возвысил голос. В своей ежедневной рабочей практике он так отвык от диалога на равных, что не мог вытерпеть ни малейшего сопротивления собеседника. Вновь призвав себя к порядку, он продолжил. – Сейчас не об этом. Самое главное, Гафур, звонок к родителям мальчика с требованием о выкупе был сделан с вашего телефона. Вы понимаете, Гафур? Понимаете, что это очень серьезно? У нас есть доказательство того, что вы преступник, Гафур, опасный преступник. Кто знает, может, вы к тому же связаны с террористами? Признаюсь, когда я в первый раз увидел вас, то подумал, что это нелепая ошибка. Конечно, мне захотелось расспросить Вас и поиграть немного. Ну, знаете, как кот играет с мышью. Тем более, что мышь попалась интересная. – Майор помолчал, громко отхлебнул чаю. – Ну что взять с такого, как Вы? Вы на себя в зеркало когда последний раз смотрели? Давно, наверное. Посмотрите, и вам будет понятно, почему я стал сомневаться. Но когда я увидел ваш мобильник, то меня вдруг осенило. Я подумал, а это же гениально задуманный план. Берут такого вот недотепу, как вы, анахронизм, – майор запнулся на сложном слове, привыкнув в последнее время обходиться минимальным набором простейших слов, – анахронизм, – повторил он уверенней, – можно сказать, и делают из него страшное оружие. Мозги то у него есть. И идейный к тому же, слон у него всем заправляет. Вот такая персона им, террористам, больше всего и подходит. А начать решили с малого, мальчишку украли. Тренинг своего рода. Да и деньги, опять же.

– Слушаю вас и не понимаю, как вы с вашим воображением работаете в такой серьезной конторе. Вам же нужно придерживаться фактов, ведь так? А вы целый роман придумали на пустом месте. Сразу бы спросили меня про звонок. И я бы ответил, что дал позвонить со своего телефона незнакомому человеку в черном. Дайте припомнить. Да, это было в пятницу, на прошлой неделе. Обычно я в пятницу покупаю газету. В ней всегда бывает телевизионная программа. Я и запомнил этот день. Человек позвонил. Сказал что-то вроде «жду до полуночи» и разъединился. Он даже заплатил мне, хотя я и выкинул эту бумажку. Она жгла мне руки. Но в тот момент я не мог представить, что речь идет о преступлении. Вы мне верите?

Раздался мелодичный звонок мобильного телефона. Майор вытащил аппарат, поморщился, увидев на табло «Мустафа», и тут же отключил телефон.

– Я не верю ни единому вашему слову. И как я могу поверить? Послушайте, то, что вы сейчас рассказали, совершенно лишено всякого смысла. Зачем преступнику понадобился ваш телефон, если на каждом углу стоят люди и умоляют позвонить с их мобильного телефона за плату? Это же их бизнес. Понимаете, Гафур, бизнес. С такого телефона звонить совершенно безопасно, потому что у телефонной мафии выработана стройная система скидок и анонимных звонков. Я не буду сейчас подробно об этом говорить. А этот идиот преступник, как вы пытаетесь меня уверить, звонит с вашего мобильного, при этом платит за звонок и рискует быть узнанным, потому что вы сможете при случае описать его приметы. Так? Я правильно вас понял? Единственное, во что я могу поверить, так это в то, что вы могли выбросить мелкую купюру.

– Я не знаю мотивы преступника. Я не так часто, в отличие от вас, сталкивался с мошенниками. Я не могу сказать, какие у него были причины для того, чтобы попросить меня о звонке. Но я рассказал то, что было на самом деле. И мне нечего более добавить к сказанному.

Малик решительно встал, заставив тем самым майора поступить так же.

– Я надеюсь, что вы разберетесь с этим делом и оставите меня в покое, – Гафур нервничал.

– Я тоже на это надеюсь, но мне почему-то кажется, что мы еще будем встречаться. Не уезжайте из города. Считайте, что я взял у вас подписку о невыезде. У меня к вам еще много интересных вопросов, – майор многозначительно покачал головой и, оставив под чайником плату за чай, стремительно вышел из кафе.

Мустафа был чрезвычайно подавлен. С ним опять произошел невероятный случай. Он страдал, прикидывал, как получше рассказать своему мудрому шефу о том, что происходит с ним, Мустафой, и ничего не мог придумать. А случилось вот что.

Мустафа получил от майора ответственное задание. Он должен был выманить Гафура на свидание к майору в кафе, а сам, тем временем, покопаться без особой спешки в нехитрых пожитках Малика. Авось, да найдется какая-нибудь маленькая зацепка. И тогда Гафур не отвертится, ему придется выложить все. Мустафа подготовился к своему первому ответственному заданию со всевозможной тщательностью. Он запасся отмычками, выданными ему майором для проведения этой ответственной операции. Проследил, когда Гафур вместе с майором войдут в кафе. Открыть дверь не составляло никакого труда. При желании ее можно было просто посильнее поддать плечом и готово.

Ах! Если бы только несчастный Мустафа мог догадаться, что ожидает его в квартире, с виду совершенно безобидной, он бы убежал в ту же самую минуту. Мустафа только вошел и тихонько закрыл за собой дверь, как услышал ненавистный и уже хорошо знакомый телефонный звонок, имитирующий щебетанье птиц. Он развернулся, чтобы выскочить поскорее из ловушки. Он теперь не сомневался в том, что это была западня, в которую заманили его, простого парня. Но не тут было. Телефон перестал звонить, и прямо перед побледневшим Мустафой возник тот самый тип, чья железная рука сжимала горло Мустафы каждую ночь.

Он просыпался в холодном поту и долго еще не мог понять, сон это был или явь. Станный незнакомец приблизился к Мустафе. Взял его за шиворот, поднял высоко над собой, повертел, как будто хотел забросить далеко-далеко, затем передумал, и опустил на пол. Внимательно оглядел его с головы до пят.

– Я же говорил тебе, чтобы ты не мучил Малика. Говорил?

Мустафа попытался ответить, но не смог. Он сипел, тряс головой, однако звуки отказывались складываться в слова.

– Я не люблю повторять дважды одно и то же, и вообще эта история мне порядком надоела. Я торчу здесь уже десять дней, хотя должен был давно... Да... тебе это не касается. Поговорим о тебе, Мустафа. Если я не ошибся в своих предположениях, тебе приказали подбросить Гафуру кокаину. Старый испытанный трюк. У твоего майора свои методы, и он не хочет ничего менять. Работает по старинке. Я бы мог его кое-чему научить. А ты знаешь, кто я? А, Мустафа? Тебе не страшно? Вижу, вижу, хочется провалиться сквозь землю. У тебя еще будет такая возможность. Провалишься, не сомневайся. А сейчас расслабься, твоя дубленая шкура мне не нужна. Пока. Живи. Вот только в следующий раз, когда тебе захочется, или, может, прикажут сделать какую-то гадость, вспомни обо мне. Ха-ха, а я тебе помогу, чем смогу.

Тут незнакомец засмеялся, заскрежетал металлическим смехом, от которого Мустафа потерял сознание. Он пришел в себя только когда услышал звук открываемой двери. Он сел, вспомнил, что впопыхах забыл закрыть дверь. Малик стоял на пороге и хлопал глазами. Он был готов ко многим сюрпризам. Странная мысль о том, что Мустафа тоже умеет летать, как Иветта Кетлинг, посетила его, но тут же упорхнула. Мустафа поднялся, кивнул Гафуру и, пошатываясь, вышел. Малик машинально закрыл за ним дверь.

Всю неделю Гафур размышлял над странностями своей судьбы. Когда-то, будучи совсем молодым, он ясно представлял себе, как счастливо и удачно сложится его жизнь. Сколько полезных, а может быть, и уникальных открытий он сделает, как осчастливит все человечество. Особенных открытий он не сделал, единственную любовь упустил по собственной глупости. Все события происходили у Малика эволюционно. Ни каких бурных революционных переворотов. Резкие изменения в жизни Малика, бурные неуправляемые и от того особенно страшные стали происходить с той поры, как поменялась жизнь его города. Малик никоим образом не мог повлиять на ход событий. Его натура пассивного созерцателя не терпела активных, а тем более насильственных действий. Он, как всегда, занимался анализом происходящего, но с горечью стал осознавать, что скоро ему не с кем будет поделиться результатами своих наблюдений. Круг его общения сужался, и не только потому, что он становился старше и труднее сходилась с людьми, а по той простой причине, что многие его друзья и хорошие знакомые, не умея бороться с враждебным окружением, оставили поле боя. Уехали и вряд ли вернуться. Мысль о том, чтобы уехать самому, посещала его, но не приводила к конкретным действиям. Для того, чтобы превратить в реальность смутно бродившее в нем желание, освободиться от навязанной ему извне новой реальности, нужно было суетиться, собирать массу бумаг, изворачиваться, кому-то что-то доказывать. Только вообразив всю дорогу, которую необходимо пройти, прежде чем окунуться по макушку в полную неизвестность, он приходил в ужас. Не мог Малик принудить себя к активным действиям. «И потом, – успокаивал он себя, – почему все так уверены, что там, в неизвестности, будет лучше? Я же из другого племени, из другого теста. Там мне все будет чужим!». Разжевав и покрутив это заключение, он неизменно под конец спрашивал себя: «А здесь? А здесь тебе все родное и близкое?» – и ему становилось еще хуже.

Представить себе его сегодняшнее окружение родным значило для Малика расписаться в собственной ничтожности. Последнее его увлечение кришнаитами позволяло иногда жить в

параллельном мире, где все радостны, веселы, доброжелательны и озабочены лишь духовными проблемами. Совершенство души, отказ от мирского так захватили Малика, что Ганеша-слон, вызвавший у майора приступ веселья, стал другом и советчиком Гафура. Лишь в последние недели Малик стал замечать, что в их маленькой общине, пропахшей благовониями и цветами, тоже есть место чувствам, далеким от совершенства. Момент прозрения совпал со странной историей, происходившей с ним. Слон Ганеша, маленькая статуэтка на тумбочке в спальне, не смог оказать посильную помощь и только грустно глядел на Малика.

Майора вызвал к себе начальник. Официальным тоном, без обычного зубоскальства, он произнес:

– Хочу предложить тебе, дорогой майор, написать заявление об уходе по собственному желанию. Я думаю, что, обдумав положение, а ты человек опытный, согласишься со мной. Ты понимаешь, что самое лучшее для тебя в сложившейся ситуации уйти.

Начальник говорил спокойно, не поднимая глаз от бумаг, разбросанных на столе. Майор задохнулся от возмущения. С ужасом почувствовал приближение приступа астмы. Постоял несколько минут, стараясь справиться со своим физическим состоянием. Медленно проговорил, не узнавая собственного голоса:

– А что я такого сделал? Объясните мне, за что вы меня увольняете? Я что, не выполняю своих обязанностей или ваших поручений? За что? Я был вашим преданным псом столько лет!

– Ну зачем так переживать. Тебе вредно. Здоровье у тебя уже не то. Да ты сам знаешь, – начальник наконец поднял на него глаза. – Послушай, ты же умный человек!

При этих словах майор невольно вздохнул, вспомнив, что точно те же слова, с похожей интонацией он говорил всего лишь несколько дней назад Малику Гафуру.

– Как оказалось, не очень умный, если бы был умным, то не оказался бы в этой ситуации.

– В этой ситуации может оказаться любой из нас, – начальник вдруг высказал мучившие его сомнения, которыми не собирался ни с кем делиться.

– И кто же придет на мое место? – почти с издевкой спросил майор, уверенный в ответе.

– Ты мог бы и не спрашивать меня об этом, и так все ясно.

– А вы не боитесь, что завтра ваш Мустафа, ведь это его сажают на мое место, захочет подняться выше и тогда уже Вам придется писать заявление об уходе? А Вы старше меня, разве не так? И вам вряд ли удастся найти себе другое применение.

– Не забывайся, майор! Я предложил тебе по-хорошему написать заявление. А если ты сейчас начнешь рассказывать мне о моем трагическом будущем, то у меня обязательно возникнет желание самому позаботиться о тебе.

Начальник вышел из-за стола. Выпрямился во весь небольшой рост. Он с вызовом смотрел на майора, всем своим видом показывая, кто является хозяином просторного кабинета, сплошь заставленного пухлыми канцелярскими папками. На стене висел большой портрет президента. Пристрастия самого владельца кабинета не проявлялись ни в чем. Единственная деталь, напоминавшая о том, что и начальнику свойственны некоторые чувства – фотография жены и детей в аккуратной рамке, стоявшая на столе. Правда, даже эту маленькую уступку своей человеческой природе начальник сделал после того, как увидел такую же рамочку в кабинете у еще большего начальства.

Майор ощутил всю тщетность своих усилий. Испытал чувство, очень похожее на жалость, еще раз внимательно оглядев своего начальника. Мешки под глазами, нездоровый цвет лица. Не удержался от злорадства, представив, как на доклад к начальнику вместо него, понятливого и в меру воспитанного майора, будет приходиться Мустафа.

– Подготовься. Сдашь дела в пятницу. И постарайся ввести его в курс дела. Прошу тебя по-хорошему. Ты же знаешь не хуже меня, что может быть и по-плохому.

Майор кивнул, соглашаясь. Позволил себя лишь чуть улыбнуться краями губ. Начальник вскинул брови. Но удержался от реплики. Он был не дурак и понимал, что «вести Мустафу в курс дела» – задача невыполнимая даже для такого опытного старого волка, как майор.

Домой майор пришел раньше обычного и поразился неприкрытому неодобрению, написанному на лицах близких. Никто не ждал его в неурочный час, и вместо привычного свежезаваренного чая, ему пришлось удовольствоваться минеральной водой. Жена не скрывала удивления и продолжала заниматься обычными делами: сериалами и болтовней по телефону.

Улегшись на диване, майор попытался проанализировать ситуацию и разработать план кампании. А то, что ему придется начать военные действия, он не сомневался. Старый, затасканный девиз «Лучшая форма защиты – это нападение» оставался актуальным и в новые времена. Майор частенько использовал его на практике. Как опытный стратег он знал, что у самого несокрушимого соперника непременно есть уязвимая точка. Но для начала нужно определиться с соперником. Кого выбрать в качестве противника? Начальника, старого поседевшего в интригах и подковерных играх чинушу или «девственного» Мустафу? Поистине шекспировский вопрос. После долгих и мучительных раздумий майор остановился на Мустафе. Во-первых, потому, что своего начальника он успел изучить за много лет совместной деятельности и знал, что тот не сделает подлости без особой необходимости. А во-вторых, если Мустафа будет работать в управлении, то очень скоро там не останется ни одного работника, не являющегося членом родового племени Мустафы. И тогда у майора не будет даже призрачной надежды на возвращение. «Дитя природы. Что с него возьмешь?» Поразмыслив еще немного, майор пришел к парадоксальному выводу, что более грозного соперника у него не было за всю его сознательную жизнь. Мустафа на глазах вырастал в мощную, непредсказуемую фигуру. Он способен был преодолевать серьезные препятствия, не затрачивая при этом никаких особенных усилий. По большому счету затрачивать было нечего. «Вот если бы мне удалось обвинить Мустафу в связи с похитителями мальчика или, на худой конец, с террористами, вот тогда можно было возвращаться обратно, если не на белом коне, так хоть на белом мерседесе. Глядишь, и в звании повысят. И жена станет опять внимательной и заботливой. Главное найти доказательства. Самое лучшее доказательство – это кассета с его голосом. Майор, взбодрись и не забывай, что на войне все средства хороши. Не постеснялся же Мустафа выкинуть тебя из теплого гнезда. Захотел стать хозяином твоего кабинета и стал им. Так что будь добр, оставь свои манеры Малику Гафуру и ему подобным» Подробно разработав план, наметив действующих лиц, майор приступил к его осуществлению. Вечером он встретился с доверенным агентом, выполнявшим самые щекотливые поручения майора на протяжении двадцати лет. Маленький, толстенький, с блестящей потной лысиной, непрерывно подсмеивающийся и потиравший руки человек сыпал словами и изредка взглядывал на непривычно молчаливого майора. Человек догадался, что с майором происходит что-то из ряда вон выходящее, но не смел ни о чем спрашивать. Обычно все вопросы в их нечастых беседах задавал майор.

– Вот тебе клиент. Профиль, анфас. Вот здесь все данные: адрес, телефон. Мне нужен на него копромаг. Связь с террористами и похитителями. Кстати, я не исключаю, что последний случай с мальчиком, ну, ты слышал, наверное, как-то связан с ним. Я понятно все изложил или есть вопросы? – майор нервничал, понимая, что агент всегда найдет возможность вовремя переметнуться на сторону более сильного покровителя.

Человек потер ладошки, взял в руки фотографии и стал внимательно разглядывать их.

– А разве это не ваш новый сотрудник? – человек постарался спросить равнодушным тоном. Деланное равнодушие больно задело майора.

– Какая тебе разница, новый или старый. Это нехороший человек. Он хочет зла всем нам. Не только мне, не думай. Ты тоже можешь остаться не у дел.

Агент еще раз поднес к лицу фото и внимательно посмотрел на него.

– А по виду не скажешь. Вид у него очень неказистый.

– В этом я с тобой соглашусь. Я не буду тебя учить, как все организовать. Ты сам знаешь, не маленький. Но учти. Если начнешь вилять и захочешь поменять хозяина, то я тебя все равно найду и накажу. Ты меня знаешь.

Человечек вскинул на майора заплывшие маленькие глазки, поморгал и расплылся в благодушной улыбке.

Мустафа целый день лежал в занавешенной комнате. Он запретил входить к нему, и лишь когда неожиданно позвонил самый влиятельный в роду Мустафы родственник, он взял трубку и слабым голосом попробовал изобразить ликование. Сановник, ожидавший более бурного восторга от неслыханной милости, казался недовольным:

– Мустафа? Ты хоть понимаешь, что я тебе говорю! Тебя назначают на место твоего начальника, майора. Ты же так этого хотел. Ты что, не рад? Мустафа! Смотри, а то я начинаю уже жалеть, что обидел такого нужного человека. А может, мне передумать? Как, Мустафа?

Мустафа, преодолевая страх, головную боль, залился соловьиной трелью, разрядившей обстановку.

– Ну вот, я начинаю узнавать своего Мустафу. Через недельку зайдешь ко мне. Я хочу тебе дать наставления. Как старший.

Мустафа повесил трубку. Постоял, покачал головой. Разве мог он подумать, что тот самый миг, которого он ждал с таким нетерпением, почти со страстью, станет для него одним из самых несчастных в жизни. «Ты пропал, Мустафа, ты попал в услужению к диву и будешь у него в рабах остаток жизни. За что? Что я такого сделал? Ничего особенного, то же, что и все другие делали бы на моем месте».

На следующее утро, в белоснежной сорочке, темном костюме и галстук, удавкой охватившей шею, Мустафа зашел в кабинет теперь уже непосредственного своего шефа. Тот, при виде свежеепеченного начальника отдела откинулся на спинку кресла, широко развел руками:

– Как растут у нас кадры. Кто бы мог подумать, что так скоро Вы дорастете до начальника отдела! Поздравляю Вас от всей души! – в голосе шефа прозвучала издевка.

Мустафа стоял не двигаясь, вытянув руки вдоль туловища. Он боялся сильно пошевелить головой, да и галстук ограничивал возможность маневра. Он улыбался своей привычной льстивой улыбкой, похожий на китайского болванчика. Поблагодарил несколько раз, сильно преувеличив заслуги шефа в своем назначении, и уже собирался выходить.

– Майор сдает дела, и я хотел бы, чтобы вы внимательно ознакомились с делом о похищении мальчика. Мустафа, вы хорошо знаете нашего уважаемого Джаил муаллима, отца мальчика, и как он заинтересован в том, чтобы мы скорее нашли похитителей, – шеф говорил благожелательно, стараясь не выдать своего презрительного отношения к Мустафе.

– Я знаю, дорогой начальник, я все сделаю в лучшем виде. Не сомневайтесь. Вы не пожалеете, что назначили меня на такую высокую должность, – Мустафа поднял глаза к потолку.

Опустив глаза и наткнувшись на холодный взгляд шефа, он пятась, вышел из кабинета. Мустафа медленно, расслабленной, несвойственной ему походкой, шел по коридору. Одно отчетливое желание руководило всеми его действиями. Ему вдруг захотелось скрыться от всех навалившихся на него разом проблем, сесть где-нибудь под тутовым деревом у родника и насладиться кристальным воздухом, тутовой водкой и неспешной беседой. Впервые за все время его пребывания в столице он вдруг вспомнил о том, что потерял. Он очнулся после того, как почувствовал на плече тяжелую руку майора.

– А вот и ты, уважаемый Мустафа. Ну как тебе на новом месте работается, доволен? Небось, в зобу дыханье сперло от радости. Не вижу, однако, проявлений восторга!

Мустафа с опаской смотрел на майора. События произошли так стремительно, что он не успел решить для себя, как ему вести себя с майором. Прежняя подобоострастная манера уже не подходила, а стать наглым Мустафа побаивался. Майор был второй после монстра с железной рукой персоной, внушавшей Мустафе необъяснимый страх.

– Ну что вы, начальник.

– Какой я тебе начальник, Мустафа. Ты же спал и видел, как сесть на мое место, – майор выплеснул переполнявшие его чувства и тут же пожалел о сказанном. Для ведения военных действий ему необходим был нейтралитет. Мустафа не должен был догадываться о коварных планах майора.

– Ну, дорогой Мустафа, ты же понимаешь, что я шучу. Я только хочу поздравить тебя, порадоваться за тебя. – Майор опустил глаза. – Ну, пойдём, дорогой, в твой кабинет и я расскажу тебя, что нужно делать ближайшие две недели.

Мустафа покорно проследовал за майором. Майор сел на стул, приглашая красноречивым жестом Мустафу занять кресло, еще день назад бывшее его, майора, креслом. Удобно устроив локти на столе, и пристально глядя на Мустафу:

– А теперь, дорогой, расскажи мне подробней, что сумел узнать у нашего друга Малика Гафура. И как ты собираешься искать преступников? Расскажи по старой дружбе. А, Мустафа? Друг ты мне или нет? – майор раздвинул губы в гримасе.

– Друг, друг, дорогой начальник. Конечно, друг. Только я думаю, что мы этих преступников не поймаем. Все равно не поймаем. И как мы их поймаем? Где мы их будем ловить? А Малик Гафур – хороший человек, я это точно знаю.

– Откуда ты знаешь, что он хороший человек? Ты что-то не договариваешь, – майор впился взглядом в бегающие глазки Мустафы. Хотел было закричать, но вспомнил, что роли поменялись, и почти ласково продолжил: – ну, Мустафа, это в твоих интересах. Так я смогу помочь тебе, если все буду знать. Ты понимаешь?

Мустафа колебался. На лице бродила забытая льстивая улыбка, однако непривычная для Мустафы напряженная работа происходила в голове. По тому, как он не мог остановить взгляд, руки перебегали с одного предмета на другой, майор догадался, что попал в точку. Мустафа скрывает от него нечто такое, что, вероятно, могло сослужить майору большую службу. А именно вернуться в родное, ставшее вдруг таким желанным, кресло. Нужно приложить еще одно маленькое усилие, чуть надавить на бывшего подчиненного, и он расколется, как переспелый арбуз.

– Мустафа, дорогой, давай вместе отправимся к Гафуру, и я помогу тебе вытрясти из него все, что нам нужно. Ты увидишь!

– Нет, нет, только не к нему! – Мустафа съежился, – Только не к нему!

– Да не тяни резину, выкладывай, что ты там увидел? Черта что ли?

Мустафа остановил взгляд на майоре, открыл рот, посидел так минуту, прежде чем решился кивнуть в ответ. Майор внимательно, оценивающим взглядом оглядел маленькую фигурку Мустафы, превратившегося в того, кем он был на самом деле: потерянного крестьянина, заблудившегося в городских джунглях. « Все в порядке, майор, можешь спать спокойно. Мустафа теперь также опасен, как жертвенный барашек с красным бантом».

Далее события развивались так стремительно, что все действующие лица этой незамысловатой истории вряд ли успели до конца понять сплетенную интригу, навязанную извне. Каждый, исходя из своих убеждений и прошлого опыта, сделал выводы. Малик впоследствии решил, что Ганеша проснулся и решил повлиять на ход событий. Майор, не веривший ни в бога, ни в черта, приписал все произошедшее своему незаурядному таланту и выдающейся

проницательности. Мустафа все свалил на дива, волшебным образом, вмешавшегося в его, начинавшую набирать обороты, столичную жизнь.

В понедельник, в тот самый, нелюбимый многими, в том числе и майором день, в бывшей конторе майора с самого утра начался страшный переполох. Незнакомый позвонил и заявил, что в здание заложили бомбу и через час она взорвется. Никаких требований звонивший не выдвигал. Просто сообщил о бомбе будничным тоном. Дежурный, получивший звонок, отреагировал мгновенно. То есть, он сделал то, что полагалось по должности: он передал информацию далее по цепочке. Когда информация дошла до лица, способного принимать решение, прошло еще тридцать минут. Большой начальник, выслушав сообщение, первым делом вызвал машину со своим шофером к подъезду, а затем отдал распоряжение выяснить, откуда был сделан звонок, и лишь потом приказал всем, кто находился в здании, немедленно покинуть его. Сотрудники не стали просить себя дважды, и через каких-нибудь пять минут здание, похожее на муравейник, обезлюдело. Впечатление это было обманчивым. Несколько оперативников, одетых в гражданское, находились в удобных для наблюдения точках. Одним из них был майор, срочно вызванный по такому случаю своим бывшим начальником. Рядом с ним вертелся маленький, толстенький человечек с потной лысиной, постоянно что-то шепчущий ему на ухо. А вот Мустафу с миром отпустили домой, чтобы он не мешался под ногами. За десять минут до заявленного взрыва на противоположной от здания стороне дороги остановилась машина. Старая неприметная «шестерка». Водитель вытащил газету и погрузился в изучение объявлений. Еще один «жигуленок» остановился у здания, и когда молодой человек, по всем приметам очень спешивший, выскочил из машины, к нему подошли двое. Молодой человек закричал, пытаясь вырваться из цепких рук оперативников. Майор сел в машину, осторожно потрогал ключ, торчавший в замке зажигания. Молодой человек затих, обречено ожидая взрыва. Майор продолжал работать. Когда майор закончил, намочшая от пота рубашка прилипла к телу, а осунувшееся лицо вдруг стало значительным. Он с трудом вылез из машины и нехотая подумал, что Гафур в тот памятный день не притворялся. Так же, как не притворялся сейчас майор. Ему было очень тяжело сделать первый шаг. Машина, стоявшая напротив, сорвалась с места, но ей немедленно перекрыл дорогу невесть откуда взявшийся громадный грузовик. Ситуация разрешилась. Пойманная банда промышляла разными делами. Совершенно неожиданно была выявлена их связь с похитителями мальчика. Майора не просто вернули на прежнее место, но и наградили за проявленную находчивость и смелость. А Мустафа возвратился в родную деревню. Что самое удивительное, захотел вернуться он сам, по доброй воле.

Как-то через несколько месяцев после описанных событий майор решил нанести визит Малику Гафуру. Он долго звонил в старую обшарпанную дверь, прежде чем Малик, беседовавший на кухне с Иветтой, открыл дверь. Иветта тут же выпорхнула в окно, а Малик приготовился к непростому разговору.

– Ну, здравствуй, Гафур, родной мой! – Майор широко улыбался.

Малик с недоумением глядел на майора, ожидая подвоха.

– Здравствуйте. Признаюсь, я не жаждал встречи с Вами.

– Красиво выражаешься, Гафур. Жажда. Я уже и не помню, кто в последнее время жаждал со мной встречи, – майор отвел взгляд, задумавшись.. – Нет, решительно не помню. Никто, вероятно. А вот я, можно сказать, искал встречи с тобой, с Вами, Гафур. Может, Вам это покажется странным. Но я немного поменялся. И в этом ваша заслуга или, скорее, вина. Я теперь уже не так уверен во всем, как раньше. Я стал иногда сомневаться.

Малик, не готовый к тому повороту, сделал жест в сторону кухни.

– Прошу Вас. Могу напоить Вас чаем. Он еще не остыл.

Майор с любопытством огляделся.

– А у Вас, Малик, я вижу, были гости. Пирог с кишмишом, мой любимый.

– Да, были. – Малик замялся. – Угощайтесь.

– Можете не отчитываться, – подобревший майор был великодушен. – С Вас сняты все подозрения. Преступник найден, и я пришел сказать Вам об этом.

– Спасибо, майор. Я не ожидал, признаюсь, что все так благополучно закончится. Я собирался ... – Гафур замолчал. – Собирался уехать. Мне казалось, что я все равно не смогу Вам ничего доказать. Мы такие разные люди. Живем в разных измерениях.

– Да, в самом деле. А куда Вы собирались уехать, если не секрет, – профессиональный азарт майора взял вверх над вежливостью.

– Во-первых, секрет, а во-вторых, вы решите, что у меня шизофрения.

– Не беспокойтесь, Гафур, я и без ваших признаний думаю, что психика у вас неустойчива, так что смело говорите о ваших планах.

Раздался звонок. Гафур вспомнил о злосчастном телефоне, забытом на тумбочке. Он зазвонил впервые после визита Мустафы. Майор встрепенулся.

– Ну, что, Гафур, напоследок мне очень хочется поговорить с вашим таинственным другом, так сильно напугавшим Мустафу.

Малик принес телефон, продолжавший настойчиво звонить, и спросил у майора прежде, чем нажать на кнопку ответа:

– А Вы действительно хотите поговорить с этим, – Малик запнулся, – этим человеком?

Экран загорелся синим ярким светом, и странное безжизненное лицо, возникшее на экране казалось еще мертвее.

– Ха-ха, я вижу, вы подружились. Я так и предполагал. Противоположности притягиваются. Ну что, друзья, именно такой расклад меня больше всего устраивает. Дорогой Гафур не будет таким чистоплюем, а майор не станет законченным злодеем и оставит мне мои обязанности. А любезный моему сердцу Мустафа отправился туда, где и полагается быть такому «чуду природы». В родные края, на волю. Задержался я с вами. Удаляюсь. Вернусь, когда захочется в следующий раз развлечься. Не скучай, майор.

Связь завершилась. Экран задымился, и через несколько минут от телефона осталась кучка пепла. Майор допил в молчании чай, протянул на прощание Гафуру руку, которую тот, поколебавшись, пожал.

А Малик Гафур в тот день долго бродил по городу, пытаясь услышать голоса старых, еще не рассыпавшихся в прах зданий. Казалось, что дома смирились со своей участью и чутко прислушивались к каждому незнакомому шагу, зная по своему горькому опыту, что вслед за любопытным человеком может последовать армия ликвидаторов, несущих им разрушение и смерть. Гафур чувствовал себя одним из таких домов, солдатом старой гвардии, отслужившим свой век. Вернувшись домой, он с огорчением увидел разбитого Ганешу, сваленного порывом ветра, и в этом распознал последний, самый главный признак того, что он свободен от прошлой жизни, от старого города, от себя прежнего. Он может теперь уехать, улететь, он сможет начать все сначала, с нуля....

Библиотека

Софронис попал в библиотеку неслучайно. Месяц назад он получил на свой электронный адрес послание. В нем неизвестный мужчина разбирал незаконченный роман Софрониса, имеющийся в наличии только в файлах его компьютера. Каким образом незнакомец добрался до его, не родившегося еще детища, и кем был человек, настолько заинтересованный творчеством Софрониса, до сегодняшнего дня тщетно пытавшимся пристроить в какое-нибудь издательство свой первый роман? Преодолев природную лень, Софронис ответил автору письма. В письме он просил сообщить ему, откуда у него текст нового романа Софрониса. Адресат не стал отвечать на конкретные вопросы Софрониса. Он еще больше запутал его, сообщив, что не согласен с намерением Софрониса в финале книги убить главного героя и не как-нибудь, а отправив в параллельные миры. Софронис загрустил. Он не то что не писал, но даже никому не рассказывал, что собирался сотворить с главным героем. Возможные варианты финала не давали ему покоя, но он до сих пор не сделал определенного выбора. Он колебался между смертью героя, хотя и необычной, с высылкой в космос и традиционным концом, свойственным оптимистической традиционной литературе двадцатого века, лучом надежды, появляющимся в кромешной тьме. Совсем недавно, в силу стечения обстоятельств, плохой погоды, перепада температуры, плохого пищеварения и, как следствия, отвратительного настроения, Софронис склонился к мысли, что его герою лучше было бы помереть и отправиться в неисследованные миры, бесспорно лучшие настоящего, хотя бы потому, что хуже быть не может. Неизвестный адресат продолжал одолевать Софрониса посланиями. В одном из них он написал несусветную чушь. Он писал, что в параллельном мире все не так замечательно, как кажется Софронису. Конечно, тем, кто за значительные заслуги, попадает сразу же в седьмой параллельный мир, можно позавидовать, но второй круг, куда, по всей вероятности, собирался отправить своего героя Софронис, такой же, как и его сегодняшний мир. Стоит ли городить огород, расстраивать читателей, у которых и без того полно проблем.

Софронис попытался выяснить через электронный адрес, где мог находиться его собеседник, упорно не желавший раскрывать свое инкогнито. Проследив адресную цепочку, Софронис пришел к выводу, что его внимательный читатель, претендующий на соавторство, проживает в глубинке, в районном центре, удаленном от столицы. Несколько дней подряд Софронис не отвечал на настойчивые призывы собеседника, и наконец, в своем сообщении Софронис предупредил, что через неделю собирается приехать в районный центр по делам и был бы не прочь встретиться с читателем. Собеседник замолчал. В предпоследний день перед предполагаемой поездкой он объявился. Был необычайно краток, оставил адрес, по которому Софронис мог встретиться с ним. В этом же письме он наконец назвал свое имя, Дан Балиев.

Софронис долго колебался перед дилеммой, пойти по указанному адресу или нет. Когда он обратился к местным жителям, с просьбой помочь найти ему адрес, то реакция краснощекого мужчины, которому был задан вопрос, была настолько удивительной, что Софронис тут же загорелся желанием непременно найти этот адрес. Мужчина долго смотрел на него, изучая заурядную внешность непригодного к жизни интеллигента, со всеми полагающимися атрибутами: очками, взъерошенной шевелюрой, голодными глазами и ветхой одеждой, и, удовлетворенный осмотром, произнес:

– Конечно, – сказал он, нажимая на букву «ч», – кому как не Вам попытаться разобраться со всей этой чертовщиной. Там заброшенная библиотека. Люди перестали туда ходить уже давно. Знаете, все больше телевизор, киношки разные. Да и кому охота провести час, а то и все два, уткнувшись в книгу. Сколько можно душевных разговоров переговорить за это время, – он вопросительно посмотрел на Софрониса. Софронис торопливо кивнул, с нетерпением ожидая продолжения.

– Ну вот, сначала там еще можно было встретить библиотекаршу, серую мышь, точно как у Райкина, помните, ну а потом, когда она преставилась, никто туда и не захаживал. Правда, говорят разное.. – он повертел головой во все стороны и понизив голос, зачастил, – говорят, что иногда там слышны голоса и какой-то жуткий хохот, упаси господь попасть туда в темную ночь, мигом сгинешь и следа не отыщется.

Софронис с полуулыбкой слушал мужчину. И без того красные щеки мужчины приобрели багровый оттенок и разозлившись от недоверия случайного собеседника, последнюю фразу он прокричал.

– А ежели ты такой смелый, то сходи туда, попробуй, а потом нам, обывателям расскажешь. Тебе же терять нечего, сразу видно, ни детей, ни плетей. Одни интересы, тоже, видать, научные. Иди вот так прямо, прямо, а когда вокруг ни души не увидишь, то, значит, правильно шел, как раз выйдешь на нужное место.

– Вы не подумайте, улыбаюсь я совсем не от недоверия или сомнения в ваших словах. Улыбаюсь я тому обстоятельству, что все так странно складывается с тех пор, как черт меня попутал начать писать никому, как я понимаю, ненужную книгу. Вы так складно объяснили мне про заброшенную библиотеку, – глаза Софрониса блеснули лукавством, – может, Вы знакомы с человеком, по имени Дан Балиев?

– Знаком, а как же. Вернее, был знаком. Года два как помер ваш Дан Балиев. Тоже в свое время в библиотеку захаживал. Не так, чтоб очень часто. Нормальный был мужик, и водки выпьет и в баньке попарится, душевный был человек, – мужчина повздыхал, поохал и заторопился.

– Ну, бывайте. Только долго там не задерживайтесь. Чешите оттуда засветло. Дану Балиеву привет от меня, персональный, от Колесова Евгения, – мужчина засмеялся, открыв все имеющиеся в наличии крепкие, желтые зубы.

Софронис почесал затылок и медленно побрел в сторону библиотеки.

Дверь была старая скрипучая, под стать всему помещению, расположенному в конце темного коридора. Он шел на ощупь по бесконечному проходу, не переставая задаваться вопросом, зачем ему понадобилась заброшенная библиотека. Наконец вдали забрезжил свет и показался проем, ведущий в неизвестность. Софронис, глубоко вздохнул, втянув побольше воздуха, и шагнул вперед. Перед ним открылась громадная аудитория, сплошь заставленная стеллажами с книгами, разных размеров и, вероятно, цветов, различить которые было невозможно. Толстый рыхлый слой пыли покрывал все вокруг. Он осторожно, оглядываясь вокруг, как будто ожидая внезапного нападения, продвигался вдоль первого стеллажа. Книги громоздились стопками, стояли рядами и лежали вповалку. Софронис остановился и бережно смахнув пыль рукавом с ближайшей книги, взял ее в руки, попытался разобрать ее название, но язык был ему незнаком. Положив книгу на прежнее место, он двинулся дальше. Книги различались не только размером, цветом, но и материалом. Он увидел на дальней полке несколько свитков, про себя подумал, что это пергамент и побоялся посмотреть их из опасения, что они превратятся в прах прямо у него в руках. Походив по огромному залу, изредка останавливаясь, чтобы взять в руки книгу, магнитом, казалось, притянувшую его к себе, он не заметил, как прошло несколько часов. О времени он вспомнил, взяв в руки громадный том в переплете из сафьяна. На книге, поблескивая осыпающимся золотом, пылало название, напомнившее ему о времени и самом себе. Высокие готические буквы плясали перед глазами «Тебе, Софронис, послание из прошлого.» Под названием стояла сегодняшняя дата и точное время. Софронис дернулся как от удара электрическим током и невольно перевел взгляд на часы. Его наручные часы показывали время, обозначенное на обложке книги. Он вспомнил, что с тех пор, как попал в заброшенную библиотеку, прошло около пяти часов. Часы и минуты спрессовались

в мгновение. Софронис чувствовал себя легко, спокойно, так как он не чувствовал себя уже очень давно в реальном мире, где все бесконечно спешат. Спешат успеть везде и во всем, зачистую не зная, куда приведет их спешка, и не прозевают ли они самую главную для них встречу в жизни, заслонив ее ежедневной суетой и спешкой. Софронис даже не удивился. Он лишь подумал, что он не пропустил того, что было предназначено именно ему.

Книга раскрылась без всякого труда. Сомнений быть не могло. Эта книга ждала его, Софрониса. Он раскрыл ее посередине и на пожелтевшем листе увидел рисунок, изображавший сидевшего в пол оборота сероглазого мужчину, глядевшего прямо на Софрониса, подпись под рисунком гласила:

« Ненавижу тебя, ты сломал мне всю жизнь. Я мог прожить в спокойствии и довольстве еще много лет, я не устал еще от земной жизни. Ты стал причиной моего безумия и смерти». Софронис поморгал. Книга выпала у него из рук и стукнувшись об пол раскрылась на цветной вкладке. Девушка с распущенными волнистыми каштановыми волосами улыбалась в объектив. Софронис с ужасом подумал о том, какая могла быть подпись под картинкой и моментально захлопнул книгу, подняв облако пыли. Он так и остался сидеть в пыли, размышляя над увиденным.

Вдали с шумом захлопнулось окно, зазвенели осколки разбившегося стекла. Струя прохлады ворвалась в затхлый воздух помещения. За соседним стеллажом промелькнула тень. Софронис очнулся, поднялся, неуверенно ступая, прошел в сторону скрипнувшей половицы. Не успел он сделать несколько шагов, как долговязая фигура, закутанная в клетчатый плед, вынырнула из тени и застыла прямо перед Софронисом. Лицо неожиданного, будто с неба свалившегося посетителя странной библиотеки, почти скрывалось за намотанным поверх пледа линялым шарфом. Глаза сверкали необычным светом. Он взмахнул неуклюжими костлявыми руками и церемонно произнес:

– Добро пожаловать, к нам, в обитель, так сказать, премудрости и покоя. А я Вас ждал, молодой человек. Как я рад, что вы не обманули моих ожиданий, – сказанные слова повисали в воздухе и некоторое время еще звучала последняя нота каждого слова, прежде чем раствориться в пространстве помещения. Но Софронису пришло на ум, что слова не пропадали втуне, как это случалось с их собратьями в обычной жизни, они продолжали жить своей особенной жизнью и, вероятно, записывались сами по себе на неизвестные Софронису носители.

– Смышлен, не по годам смыхлен. Тебе ведь нет и сорока, каких-нибудь 38 лет, а вот догадался же ты, что слова не исчезают и ни что из сделанного и сказанного не проваливается в черную дыру, в никуда. Вся информация, каждый звук, картинка, буква, словом все виды информации попадают в космический информационный банк данных. Своего рода огромная космическая библиотека, которой может пользоваться любой пользователь, любой кто найдет к ней доступ. Как ты догадываешься мигрантов во много раз больше живых. Мигранты, люди умершие, в обычном смысле слова и переселившиеся в иные, если тебе так нравится называть, параллельные миры. В основном они пользуются этой библиотекой. Доступ к информации простейший. Никаких формуляров. Любая идея сразу же находит отклик. Любой запрос выполняется мгновенно. И иногда забавно наблюдать насколько, живущие на земле слепы и не видят и не понимают совершенно очевидных истин.

Софронис закашлялся. Хотел возразить, но не смог от волнения ясно сформулировать пришедшие в голову идеи. Незнакомец задел за живое. Софронис мучился этим вопросом давно, с тех пор как у него на глазах умер его друг, тот самый, увиденный на рисунке. Это случилось три года назад, 13 февраля, как раз перед любимым праздником Софрониса, Праздником святого Валентина, днем всех влюбленных. Картинка с умирающим другом застряла у него в мозгу и периодически всплывала в самое неподходящее время. В тот вечер они были вместе, хотя Софрониса ждали в другом месте. Они долго говорили о разном, на темы, не волновавшие их в обычное время. О субстанции души. О невероятных свидетельствах людей, побывавших

в состоянии клинической смерти. Друг Софрониса был законченным материалистом и только подсмеивался над романтическим Софронисом, подкидывая ему одно опровержение за другим. На столе были фрукты и легкое вино. Другу нельзя было пить, недавно он перенес микроинфаркт. Уже в конце вечера, когда разгорячившись в споре, они чуть было не поссорились, друг произнес тост за грядущий праздник, дружбу между живыми и добавил:

– Я должен тебе рассказать все, о чем я так долго молчал. Ты не все знаешь обо мне. Между нами стоит, ты, наверное, догадываешься кто, – он поднял на Софрониса глаза, поставил на стол бокал, и вдруг охнул и стал валиться на бок, из носа у него капала алая кровь. Он произнес тоненьким голосом, не свойственным ему :

– Софроня... , – и упал на пол. Софронис подбежал к нему вытер платком струйку крови, тянувшуюся из носа, и стал делать искусственное дыхание. Он вспомнил все, что знал об искусственном дыхании. Видимого успеха усилия Софрониса не принесли. Телефона в квартире не было. Он выбежал на площадку и долго жал на кнопку звонка соседней квартиры. Соседи рассматривали его в глазок и только после нескольких криков Софрониса, дверь открылась, и Софронис не сказав ни слова, ринулся к телефону. Он дозвонился с десятой попытки до скорой помощи. Машина приехала только через час. Когда Софронис вошел в квартиру и наклонился к телу, расprostертому на полу, он не узнал того, кто четверть часа назад был его другом. Странная фигура с заострившимися чертами лица, приобретшего землистый оттенок, остекленевшие глаза, устремленные вверх....

Софронис, не находил себе места, мучаясь двойной загадкой. Что хотел рассказать ему друг, и почему он так внезапно, страшно умер. Положим первая загадка еще могла иметь хоть какое-то толкование. Он давно заметил преувеличенный интерес друга к своей девушке. Но никак не хотел соглашаться с мыслью, что у них могла быть банальная связь. А вот второй вопрос, почему такая скорая, внезапная смерть и что после? Куда подевалась субстанция оживлявшая мертвый теперь остов, бывший когда-то его другом?

– Ну, что сейчас вспоминать, того, что не исправишь, – послышался голос собеседника Софрониса. – Если бы тебе действительно хотелось выяснить кое-что по этому поводу, ты бы подобрал книгу, предназначенную именно тебе и прочел бы все о чем тебе хотелось узнать. А ты отбросил ее от себя, как ядовитую змею. С чего бы это? И про девушку там все хорошо написано. А ты испугался. Вот так почти все вы, живые, предпочитаете жить с повязкой на глазах. Так Вам удобнее, комфортнее. Я не в обиду тебе, я ведь тоже такой был, когда по земле ходил. Ни дня в простоте, чтобы подумать о чем-то возвышенном. Стихи читал только в состоянии влюбленного угара. А влюбленность, смешно вспомнить во что она потом вылилась. Во что превратился предмет моей влюбленности. В толстую, задерганную тетку. Она и говорить разучилась, только кричала и советы свои дурацкие без конца давала. А знаешь какая была, совсем как твоя мечта на фотографии. Тонкая, изящная с нежной душой. Я знаю куда все девается, а ты нет. Вот если бы пожелал, то узнал бы, а ты как страус, спрятал голову и ничего не хочешь знать. Такое знание дается не всем, а только избранным. Избранные – не значит какие-нибудь аристократы, белая кость, арийцы и тому подобная ерунда, избранные – значит люди, мучающиеся вопросами мироздания, не перестающие задавать себе и другим дурацкие, на взгляд обывателя вопросы и мучительно ищущие смысл, в совершенно бессмысленном существовании. Ты вот все думал, почему на тебя валится больше напастей, чем на нормальных людей. Потому что ты, сам того не ведая, посылаешь больше запросов в космическую библиотеку, и тебе непременно приходит ответ. Вся загвоздка в том, что ответ приходит в необычной форме. В виде события, случайности. Требуется расшифровки. Откуда взялись суеверия? Люди из долгого опыта, научились распознавать самые простые послания. Но вся беда в том, что форма ответов меняется, неизменной остается суть и не всегда удается верно истолковать послание. Есть среди Вас, живых и похитрее, которые уже поняли, что в настоящем мире главное – только информация, информация любым путем. Вот эти умники и правят сегодня миром. Весь ужас

в том, что они используют только ненужный хлам из всего богатства информации. Да, да, те самые сплетни, непроверенные слухи, кассеты с клубничкой. А что происходит от того, что самая лучшая, нужная для человечества часть скрыта от взоров живущих, и не просто скрыта, она их не интересует. Задал ты себе когда-нибудь подобный вопрос? Почему столько нелепиц, страданий, войн, почему бы не воспользоваться информационным потоком, льющимся из других вселенных? Им все время подкидывают заветную информацию, подкладывают на видное место, вот оно то самое, заживете, наконец, как люди должны жить, а нет же, подавай им заветный мусор, без которого они жить не могут.

Софронис внимательно слушал, не прерывая собеседника. Он осунулся, глаза горели, со стороны был похож на фанатика, повстречавшегося со своим идолом. В какой-то момент Софронис проснулся, взгляд стал более осмысленным:

– Послушать тебя Дан, Ведь ты же Дан Балиев, я угадал, то несметное количество появившихся в последнее время колдунов, экстрасенсов, целителей, ведьм, вуду, магов, белых и черных, только вот про оборотней я еще объявлений не видел, как раз и приближаются к твоей теории. Они, вроде, во всяком случае так они о себе заявляют, видят и слышат скрытую информацию и пользуются ею.

– Напрасно иронизируешь, друг. Конец одного тысячелетия, начало другого. Знаешь какие сейчас появились, почти комфортабельные ниши, для того, чтобы проникнуть в космическое информационное поле. Люди стараются. Себя не забывают при этом. Только все на том же уровне шелухи, ненужной обертки. Деньги приманить. Соперницу устранить. Мужа за ухо обратно привести. Порчу на нелюбимую соседку навести. Зачем? Неужели не ясно, что впускаю. Деньги приманил. А потом не ты ими командуешь, а они тобой. Удовольствий много. Не спорю. Пока глаза наедятся. Пока все купишь, потрогаешь. Все позавидуют. Много времени пройдет. Может, вся жизнь. Что, ж не самый плохой расклад, в идеале. Только так не бывает. Бывает совсем по-другому. Бесконечная гонка. Успеешь сорвать куш или нет. Подставят или не подставят. Съедят или подавятся. Успеешь вовремя перевертнуться или нет. До желудочных колик. До инфаркта. До ненависти окружающих. Соперницу устранить и что потом. Она перед твоим мысленным взором живым укором, как привидение маячить будет. И все время стремиться, чтобы он, упаси господи, на другую, помоложе, постройнее не посмотрел. Изнуряют себя бедные дамочки диетами, фитнесами, массажами, чтобы ко времени положения во гроб быть краше двадцатилетних. Объясни мне это безумие.

– Дан, ты сам себе противоречишь, многомудрый ты наш. Только что ты сетовал, на то, во что превратилась твоя любимая. А дамочки, о которых ты только что говорил, как раз не хотят ей уподобиться. Деньги, ты сейчас сказал пламенную речь против денег. Ты же согласишься, что они двигатель цивилизации. Сколько сделано изобретений и открытий на заказ, за деньги. За тот самый презренный металл. Правда, много, как ты выражаешься, шелухи. Но без нее никак. Издержки. И как же ты хочешь, чтобы без сплетен, без суеты, ты забываешь, что мы не небожители, а люди. Обычные люди.

Балиев закашлялся, помрачнел.

– Вот то-то и оно. Я тебе хотел сказать, что если ты надеешься, что во втором параллельном мире, куда попадают люди с земли, они ведут себя иначе и хоть что-то начинают понимать, имея уже доступ к громадной космической информации, то ты ошибаешься. Они так же бездарны, как и на земле. Так же занимаются склоками и интригами. Так же воюют и ненавидят друг друга. Изредка можно увидеть обратное. Любовь и смирение. И то лишь в трагическом варианте, а не иначе.

Софронис потер переносицу и задумчиво протянул:

– А что же будет со всеми параллельными мирами и неисчерпаемой и не востребованной на земле информацией, если люди найдут эликсир жизни и перестанут общаться с другими

мирами. Если они замкнутся в рамках одной вселенной. Если они перестанут умирать и будут жить вечно? Дан, ты должен знать ответ на этот вопрос, разве не так?

– Неужели ты еще не догадался, Софронис, что средство от смерти, в принятом смысле слова, было найдено еще на заре цивилизации. Ты думаешь патриархи, жившие не одну сотню лет выдумки, выжившего из ума сказителя? Состав эликсира жизни был найден очень и очень давно, о нем забыли за ненадобностью. Все очень просто. Эликсир давали только мудрецам, возглавлявшим род. Они не старились очень долгий срок, выпивая в определенное время необходимое количество эликсира, однако не могли остановить войн, болезни, убересть людей от стихийных бедствий. Было от чего впасть в отчаяние и подумать об уходе в иной мир. Проходили годы, сменялись столетия. Постепенно менялся климат на земле. Лишения и превратности земного существования не исчезли, они лишь изменили форму. Представь себе, в наше время, к середине земной жизни, скажем годам к пятидесяти, будем щедрыми, отпустим сегодняшнему человеку сто лет жизни, человек уже устал. Он все меньше грезит наяву и все больше мечтает о том, чтобы отдохнуть. Наступает такой день, когда его перестает интересовать земной мир, его тянет, подсознательно, в другую вселенную. Те самые патриархи добровольно отказались принимать это средство и в конце концов о нем забыли. Это был их выбор.

– А не считаешь ли ты, любезный Дан, что если бы такая возможность появилась сегодня у людей, проживать по несколько сотен лет, то они стали бы добрее, разумнее, смогли бы повзрослеть и поумнеть.

– Все повторилось бы, только на другой спирали. Я не исключаю того, что такой эликсир мог бы попасть в руки злодея, скорее так оно и будет. Злодей, мечтающий о бессмертии и власти над миром актуален во все времена. Но с ним случится то, что непременно случается с любым злодеем. Он станет жертвой своих собственных козней и происков. Попадется в свою ловушку. И потом. Представь себе сплошную благодать и благолепие, так кажется выражались наши предки. Ты представляешь какая вселенская скука окутала бы землю и не только ее, – тут у Дана засветились глаза, и лицо его совершенно скрылось за ветхим шарфом, – злодеи горячат кровь, будят воображение, в конце концов и злодеи вносят свою лепту в прогресс.

– Если следовать твоим рассуждениям, Дан, то не стоит ничего менять в подлунном мире, в нем найдется место и злодеям и праведникам. Зачем же ты меня позвал, чтобы рассказать о том, что и в других мирах не лучше, чтобы передать чувства и «приветы» моих прежних друзей? Люди, ставшие мигрантами ведут себя так же, ты только сейчас мне об этом сам сказал.

– Нет, совсем не для этого, Софронис, ты заинтриговал меня. Я же знаю как сложится твоя дальнейшая судьба, ты мне очень интересен. Ты даже представить себе не можешь, при всем твоим богатом воображении, какие невероятные события тебя ожидают. Мне очень интересно послушать и пообщаться с тобой в твоём теперешнем состоянии. Ты уже много понимаешь и прошел испытания, но еще не слишком циничен и не заиклен на успехе.

– Искушаешь меня, как змей искуситель, ждешь, что я начну молить тебя раскрыть мое будущее и помочь избежать ненужных разочарований и ошибок. Не дожدهшься. Я потому и не стал читать книгу, которую ты мне подсунил. Я не хочу разочароваться и находить скрытые мотивы, двигавшие моими бывшими друзьями. Я не хочу ворошить прошлое, – Софронис кричал. – Я устал, я не хочу «будить спящую собаку».

– Для того, чтобы прошлое не стало непосильным грузом, не дающим возможности идти в будущее, нужно быть к нему внимательным. В том и весь секрет, хорошо знать и понимать свое прошлое, не испытывая бессильной ярости. Не скрежетать зубами и лелеять месть, а понять и простить. Не сожалеть. Не предаваться тоске о несбывшемся. А будущее, о нем лучше не знать живым, иначе никто бы не доживал до назначенного срока.

Софронис сник. Дан подошел к нему совсем близко, протянул руку, в которой из воздуха возникла та самая книга, назначенная ему, Софронису.

– Возьми, я надеюсь, у тебя хватит мужества когда-нибудь прочесть ее. А теперь мое время вышло. Я и так задержался с тобой. Мне пора уходить. Меня ждут. Он кивнул и прошел через стеллаж с книгами.

Путешествия в будущее и прошлое

У маркиза

Часы пробили двенадцать. Мужчина и женщина, сидевшие за круглым столом, одновременно повернули голову в сторону часов. Салон, в котором они находились, был занавешен тяжелыми парчовыми портьерами, сквозь которые пробивался солнечный луч. В комнате пахло сандалом и миррой. От благовоний кружилась голова.

– Подумайте, Мадам Аврора, хорошенько, у вас есть еще время. Вы можете расторгнуть наш договор. Я не буду на Вас в обиде. Наоборот, я порадуюсь, потому что окажется, что Вы более благоразумны, чем предполагал я, и ваши близкие. Правда, нельзя не признать, что они не всегда объективны. Но то, как вы располагаете своей жизнью и то, как Вы принимаете решения, без оглядки на фатум, всегда восхищало и немного пугало меня. Я также не могу причислить себя к слабым личностям, но я всегда принимал данное мне свыше и старался не роптать и в этом я видел свою силу.

– Маркиз, вы себе льстите. Как же тогда вы объясните ваши необыкновенные способности. Да просто мужскую силу. Неужели только вашей покорностью судьбе? Вы не искренни, вы лукавите. Я не хочу спорить с Вами. Но мне казалось, что вы лучше других должны понять мое желание увидеть что-то недоступное нам и потому особенно желанное и, наконец, помириться с собой.

– Мадам, я не так романтичен как Вы и не ожидал бы увидеть что-нибудь сверхъестественное, даже через несколько веков. Может быть, Вы увидите какие то необычайные новинки: волшебные зеркала, говорящие ящики, механических лошадей. Но неужели это так привлекает Вас? В чем я совершенно уверен, и думаю, Вы также, как и я, уверены в этом, люди не изменятся сколь-нибудь заметным образом. Конечно, интересно просто посмотреть на их быт, на одежду, например. Убедиться или разувериться в том, поймут ли они Вас, Мадам, надевшей мужской костюм, непонятно зачем. Ведь вы так женственны и естественны в женском наряде. Хотя нужно признать, – маркиз прищурился – Вам он идет также, а может быть даже немного больше, чем женский, – с удивлением закончил он.

Первый раз за время их беседы он внимательно оглядел ее с головы до ног. По выражению лица было понятно, что он доволен осмотром. Аврора заметила его откровенный взгляд и подумала, что самое время перейти в наступление, пока интерес маркиза, учитывая его известную репутацию, не стал ярко выраженным.

– Дорогой маркиз, я все продумала тщательным образом, прежде чем прийти к Вам. Вы же понимаете, что мною движет не только простое любопытство, а вполне понятное желание рассказать нашим современникам о том, что их ждет, вернуть им надежду и облегчить их жизнь. Я почти уверена в том, что будущее прекрасно, чтобы не говорили разные прорицатели, в частности Нострадамус, которому все время виделся конец света.

– Я знаю какая вы оптимистка и насколько ваше восприятие мира разнится с восприятием брюзжащих и вечно всем недовольных артистов, совершенно утративших радость жизни и воспевающих смерть исключительно из-за того, что их замучила подагра или плохое пищеварение. Я помню гравюру Гольбейна, вызвавшую у вас особенное раздражение. И прекрасный ответ, который Вы ему дали. Вы пышете энергией и силой. Вы, как прекрасная птица Феникс, все время возрождаетесь из пепла.

– Маркиз, ваши намеки на мою личную жизнь, по-моему, неуместны. – Аврора сделала вид, что сердится.

– Ну что Вы, Мадам, разве я мог бы себе позволить. Я имел в виду совершенно другое, – он сделал неопределенный жест рукой, не придумав ничего вразумительного. – Предположим, все пройдет удачно и вам удастся, преодолев толщу времен и громадное расстояние, оказаться

там, где вы жаждете, но послушайте, обратно еще никто не возвращался. Поймите, упрямая женщина, что даже если у меня есть косвенные доказательства того, что несколько человек, – он сделал паузу и облизал пересохшие губы, – отправленные мною в прошлое и до сих пор не вернувшиеся, остались там по доброй воле и чувствуют себя там гораздо лучше, чем здесь, и потому не возвращаются, все равно, прямых доказательств у меня нет. Они не вернулись! Хотя получили подробные инструкции, что нужно сделать, чтобы вернуться в свое время. – Спокойный и любезный маркиз перешел на крик. – И вы хотите большего, чем они! Будущего! Вы знали к кому прийти. Я ведь не прошу у Вас вашу бессмертную душу, а просто жалкий презренный металл, без которого, увы, никак не прожить. Это небезопасное путешествие похоже на смерть. Никто не возвращался с той стороны Стикса. Может кто-то попадает в райские кущи. Но ведь никто не скажет Вам с уверенностью, потому что обратно не вернулся ни один смертный.

– Маркиз, а как же воскресший Лазарь, вернувшийся из царства Аида, Орфей?

У Маркиза вырвался смешок, похожий на икоту:

– Мадам, несмотря на мой почтенный возраст, я никак не мог с ними встречаться. Помилуйте, я был уверен в том, что Вы реально смотрите на жизнь и не верите в потусторонний мир, всяких там воскресших, вампиров...

– А ваша деятельность? К каким силам прибегаете Вы, чтобы перенести того же смертного в прошлое или будущее? Или вы такой же шарлатан, как ярмарочный фокусник.

– Я вовсе не собираюсь оправдываться и что-то объяснять. Хочу заметить, Мадам, что я Вас к себе не звал, напротив, я пытаюсь отговорить Вас от безрассудного поступка..

Аврора прошла по комнате, сжимая руки.

– Если следовать вашей логике, то это не просто похоже на смерть, это как раз смерть и есть. И под видом увлекательного путешествия Вы предлагаете наивным простакам средство, избавляющее их от всех земных забот, т.е. отправляете их, как Вы выражаетесь, в прошлое, к праотцам.

Зрачки Авроры расширились. Она остановилась напротив маркиза, пристально вглядываясь в него.

– Ваши обвинения безосновательны. Я никого не отправлял на тот свет. Вы же сами присутствовали на одном из опытов и имели возможность убедиться в том, что человек исчез. Физическое тело исчезло. И потом, вы же видите, я не получаю после них каких-либо материальных благ. Все имущество переходит их близким родственникам. Ту не слишком обременительную плату, которую я беру с них, они вносят до опыта.

– Да, именно поэтому я пришла к Вам. Но теперь я начинаю во всем сомневаться. Вы могли все подстроить. Хотя, в самом деле, я не вижу в этом никакого смысла. Аврора застыла в нерешительности.

Маркиз тяжело дышал, стали заметны морщинки у глаз, резче обозначились складки у рта, взгляд стал жестче.

– Вас никто не звал, и закончим на этом. Вы утомили меня, Мадам. Я рад, что все окончилось ничем. И здравый рассудок возобладал над вашими авантюрными наклонностями.

Любезность и светскость, свойственные ему в обращении с дамами, уступили место холодному расчету. Часы в соседней комнате пробили два раза. Он вспомнил о встрече, назначенной им накануне. Ему предстояло свидание с молоденькой девушкой, попавшей в затруднительное положение. Маркиз усмехнулся, радуясь возможности в простоте, без всяких сложностей, получить наслаждение.

Аврора колебалась. В какой-то момент у нее появилось чувство, будто она зависла над бездной.

– Нет, я еще не отказалась от мысли проникнуть в будущее. Мне просто нужно подумать.

Маркиз поднялся, всем видом давая понять, что он занят и не может уделить Авроре больше ни одной минуты своего драгоценного времени.

Авроре ничего не оставалось, как ретироваться.

Аврора

Аврора вышла на улицу. Вдохнула любимый осенний запах прелой листвы. Поглядела на небо, местами затянутое тучами, и прибавила шаг. Она шла по бульвару, любимому месту прогулок горожан. Земля, насколько мог охватить взгляд, была усеяна листвой. Листья были разных цветов и оттенков. Багровые, охряные, с зелеными прожилками, уже тронутые гниением и нарядные, совсем новенькие, красивой формы. Деревья, одетые в такой же роскошный наряд, стояли, красуясь, друг перед другом. Почему осень так неповторимо красива, все это богатство, выставленное напоказ, перед тем как наступит нищета холодных ветров, морозящих дождей, затянутого неба, голых деревьев? Природа – самая близкая подружка Авроры, никогда не отвечала на этот вопрос, задаваемый Авророй каждую осень. Она лукаво улыбалась, подарив несколько солнечных дней в конце сентября, и только иногда, Авроре становилось жутко и безысходно от наступающего, неотвратимого, как судьба, холода.

Впрочем, ей грех было жаловаться на судьбу. Она всегда была благосклонна к ней. Вернее Аврора не позволяла судьбе взять верх. Это она сама, Аврора, вершила свою судьбу, так во всяком случае представлялось ей и окружающим людям. Неудачный брак не стал помехой ее счастью. Она смогла стать свободной, не для того, чтобы замкнуться в бесплодной и скучной повседневности. Она была свободна во всем: в своем творчестве, в выборе друзей, в выборе мужчин. Авроре удалось поменять взгляд современников на женщину. Она была женщиной, которая позволяла себе совершать поступки и при этом оставаться женщиной.

Навстречу ей по аллее шел, улыбаясь своим мыслям, мужчина в длинном пальто, цвета каштана, в каком-то невысказанно красивом шелковом шарфе, узором и цветом, напоминая все ту же осень. Аврора машинально отметила про себя элегантность и приятную улыбку незнакомца. Она спешила, ей нужно было привести в порядок свои бумаги, и не только. Авантюра, в которую она стремилась, с присущим ей темпераментом, была настолько необычной, что Авроре захотелось побыть в тиши и решить, в самом ли деле она хочет этого? У нее внезапно, из-за каприза маркиза и из-за собственных возникших сомнений, появилась возможность отказаться от рискованного эксперимента.

– Неужели маркиз, под маской любезного кавалера, скрывает страсть убивать себе подобных? И каким образом ему удастся сделать так, чтобы родственники и близкие исчезнувших людей не обращались в полицию и не предъявляли ему претензий? Но, может быть, ее страхи лишены оснований. Она же видела своими глазами как господин Н, согласившийся на эксперимент, растворился в воздухе и более не появлялся. Если бы удалось встретить вернувшегося оттуда, все колебания разом бы прекратились.

У Авроры возникали все новые и новые вопросы, которые она решила задать при встрече маркизу.

В задумчивости она дошла до высокого трехэтажного особняка. Ее квартира находилась во втором этаже. Войдя в подъезд, она кивнула консьержке и быстро поднялась к себе. Дверь открыла служанка, с улыбочивым личиком. Она помогла Авроре снять манто, расшнуровать ботинки. Аврора не была настроена слушать нескончаемый монолог своей милой Лизы и отпустила ее сразу же. Она вошла в комнату, интерьер которой никак нельзя было бы назвать женским. Одна стена была занята библиотекой, в углу на высоком столике лежали хлысты и коробка сигар. Рядом стояла китайская фарфоровая ваза, в которой пламенели осенние листья. На полу лежал толстый персидский ковер с прихотливым рисунком, в бирюзовых тонах. На одной из стен также висел ковер с низким ворсом и узором, напоминая китайские иеро-

глифы, на ковре висело оружие: от кривых турецких ятаганов до заостренных с трехгранным клинком кинжалов. Она подошла к камину, взглянула на часы, стоявшие на мраморе каминной доски. Часы пробили три раза. Фигурка кавалера под циферблатом сделала поклон сидевшей перед ним даме. Аврора уселась в глубокое кресло обитое мягким бархатом. Через некоторое время голова ее склонилась набок. Она забылась сном.

Сон Авроры

Она шла по почти такому же бульвару, что и полчаса тому назад. По пути ей встретилось большое панно, установленное на высоком столбе. На нем была изображена монахиня, напомнившая ей настоятельницу монастыря бенедиктинок. Подпись под изображением монахини гласила «Будьте благоразумны». Аврора подумала, что именно это изречение как нельзя больше подходило для смутного и тревожного состояния ее души. Навстречу ей шел тот же незнакомец в шелковом плаще. Он улыбался, немного грустно. Внезапно поравнявшись с Авророй, остановился, снял шляпу:

– Мадам, какая встреча, кто бы мог подумать? Я слышал, что вы были в Париже и вот иду по нашему с Вами любимому бульвару, и встречаю Вас здесь. Каким ветром занесло Вас в нашу глушь и невежество, из, как сейчас выражаются, «цивилизованной» страны? Я надеюсь, что Вы недолго пробудете здесь. Конечно, поймите меня правильно, мое единственное и самое горячее желание видеть Вас, говорить с Вами. Но для вашего же блага, было бы лучше, наверное, если бы Вы уехали обратно. Хотя никогда не знаешь, где благо, а где зло....

– Мой бог, я сразу не признала Вас. Вы стали еще элегантнее. Ваш шейный платок цвета осени поразил мое воображение настолько, что я не обратила должного внимания на его владельца. Вы не представляете как я рада встрече с Вами. И не говорите, что вы очень заняты, спешите на очередную репетицию вашего дивного оркестра. Я не приму никаких отговорок. Я хочу прогуляться с Вами по осеннему городу и насладиться беседой с Вами. Согласитесь, не так уж часто выпадает такая удача. Приехать домой и сразу же встретить того, с кем давно уже хотелось встретиться. Пойдемте.

– Хорошо, Вам не нужно было меня уговаривать, я и сам хотел Вам это предложить. Я только предупрежу своих коллег, чтобы они не ждали меня сегодня.

Он вытащил из кармана маленькую, блестящую, серебристую, почти плоскую коробочку, открыл переднюю крышку, потыкал пальцами, потом поднес одним краем к уху, а другим ко рту и заговорил.

– Да, начинайте без меня. Нет, никак не получается. Не могу. Не забудьте повторить коду. Ну все, привет.

Аврора с изумлением смотрела на него, лихорадочно пытаясь понять, с кем и каким образом он разговаривает. Одновременно она старалась скрыть свое замешательство, догадываясь, что загадочный предмет, вероятно, будет не единственным неизвестным ей предметом.

– И вы уверены, что они вас послушают? Что услышат?

– Что Вы хотите сказать, мадам, было бы странно, если бы они меня не слышали. Мои музыканты слышат, даже когда я говорю очень тихо. А Вам известно, – тут он понизил голос и посмотрел на нее, – что когда я сержусь или волнуюсь, я говорю очень тихо. На то они и музыканты, тут он рассмеялся, чтобы все слышать. Вот Паганини, говорят, слышал то, что тихим голосом говорили за стеной. Хотя, Бетховен оглох, это не помешало ему творить.

– А Шопен говорил мне, – Аврора хотела что-то добавить, но осеклась.

Музыкант странно посмотрел на нее.

– Какая вы однако фантазерка.

– У меня сегодня странное настроение, не обращайтесь на меня внимания. Я будто бы раздваиваюсь. Только мгновение назад меня смутил предмет, который Вы вытащили из кармана, и потому я задала Вам этот странный вопрос. Сейчас затмение прошло, и я понимаю, что это

обычный мобильный телефон. Я, Наталья, знакома с Вами с детства, знаю, что вы музыкант от Бога, но представьте себе, я даже не помню как Вас зовут.

– А Вы не забыли, что я играю на альте?

– Нет и потому буду звать Вас Альтист, я помню многое, а сейчас мне кажется, что помню то, чего со мной никак не могло происходить. Например, что я была знакома с Шопеном.

– Может вы еще скажете, что были знакомы с абстракционистами? Сейчас здесь выставка, в которой они были заявлены, и я никак не могу выбрать время, чтобы посмотреть их. Не хотите мне составить компанию?

– С удовольствием.

– К тому же очень интересно посмотреть с вами их нетрадиционные творения. Вы так эмоциональны и искренни. И для меня Вы вроде камертона, которым можно проверять истинность произведения. По крайней мере всегда были такой. Сейчас уж и не знаю чего от Вас ждать. Вы совсем другая. Какая-то чужая, хотя по сути та же. Вы же видите я даже не рискую перейти на ты.

Аврора молча шла рядом. Мимо них по проезжей части мчались машины. Она застыла на мгновение, вглядываясь в новый, незнакомый для нее мир. Чувство раздвоенности не покидало ее. Они пешком дошли до двухэтажного просторного строения. В помещении было тепло. Они разделись и сдали верхнюю одежду в гардероб. Аврора сняла длинное манто и осталась в бархатной темно-синей блузе. Маленькие пуговицы, сделанные из прозрачного граненого темного синего стекла, змейкой струились по блузе. Юбка была серая прямая из фланели. Обувь была под стать осенней, капризной погоде: серые ботинки из мягкой кожи с высокой шнуровкой. Альтист одобрительно покачал головой.

– Даже если не получу никакого удовольствия от кубистов-абстракционистов, прости мне мое невежество, на тебе мой глаз всегда может отдохнуть.

Он незаметно перешел на «ты». Они поднялись на лифте на второй этаж. Стены салона, в котором были выставлены картины, были затянуты черным бархатом.

– Почему такая траурная атмосфера, – Альтист сказал это достаточно громко и на его голос обернулась дама. По возмущенно поднятым бесцветным бровям можно было угадать в ней тонкую ценительницу абстрактного искусства.

– Любая драгоценность выигрывает от соседства черного бархата, Вам артисту – это должно быть хорошо известно. – Аврора попыталась сгладить возникшее недоразумение.

Она пошла вперед, и Альтист последовал за ней. Впечатление от картин у Авроры было скорее странное. Она остановилась перед полотном, называвшимся «Портрет женщины в голубом». У этой женщины было два носа, глаза были расположены на разных уровнях и голубой была не ее одежда, а она сама. Перед картиной стояло несколько человек, разглядывавших ее с разных сторон. Аврора также отошла на несколько шагов, в надежде увидеть что-то, что позволило бы ей убедиться, как и другим зрителям, в несомненной ценности этой картины. Альтист обернулся к Авроре с полуулыбкой.

– По-вашему портрет похож на женщину, пусть голубого цвета? Вы не находите, что если бы к несчастью для этой женщины, она и в самом деле была такой, как ее изобразил автор, то я не думаю, что какой-либо художник, даже очень плохой, мог бы вдохновиться подобной моделью.

– Я не согласна с Вами. – Аврора упорно обращалась к Альтисту на Вы.

– Вы ведь знаете, что прекрасное – это необязательно красивое, прекрасным может быть даже нечто некрасивое изначально. Хотя в этом случае, может, Вы правы. Женщина, возможно, была прекрасной, но вот ее портрет... А знаете, я могу предположить, что художник страдал головной болью, и в момент приступа все вокруг представлялось ему в таком искаженном виде, в том числе и женщина.

– Может быть. Но как ты объяснишь реакцию зрителей, восторгающихся и вдохновляющихся таким портретом. Некоторые, правда не все, искренни, когда говорят, что они в восторге от такой картины.

– Друг мой, Вы же музыкант, и Вам должны быть известны тонкие струны человеческой души. Сначала полное неприятие того, что необычно и не отвечает привычным представлениям, потом любопытство и желание понять и наконец восхищение и чем непонятнее, тем больше восторг.

– Боже мой, Натали ты такой тонкий психолог. А еще каких-нибудь пять лет назад ты казалась мне прелестной ветреницей и тогда мне совсем не хотелось обсуждать достоинства и недостатки нарисованной женщины, а хотелось совсем другого. – Он подошел к ней вплотную. Мне хотелось...

– Молодой человек, Вы загораживаете картину, – все та же женщина с совершенно бесцветными бровями возникла у них за спиной.

– Я предлагаю оставить любоваться этими чудесными картинами таких же чудесных ценителей, а тебе Натали могу предложить посмотреть у меня самый новый фильм. Кассету мне принесли вчера и уверяли, что ее у нас еще никто не видел, да и за бугром тоже. Натали, не отказывай мне, бог знает когда еще свидимся. Ну и потом фильм потрясающий. Мне сказали, что главный герой вампир. Но не отвратительный, физиологический вампир, а какой-то особенный завораживающий и завлекающий, с длинной родословной. К тому же съемки велись в старинных, настоящих замках, никаких павильонов и декораций. Ты же помнишь, у нас в советское время фильмы были только о счастливом настоящем, ударном труде и еще более счастливом будущем.

– А вы считаете, что так уж плохо, воспевать радость и труд?

– О чем ты, ты же знаешь, что есть свет и тень, а вот про тень вспоминать было даже неудобно. Тебе не хочется смотреть фильм про вампира? Предпочитаешь мелодраму? У меня есть прекрасное вино. Видишь, я помню, что ты предпочитаешь виноградное вино.

– Господин Альтист вы завлекаете меня, наверное, почти также как ваш хваленный вампир свои жертвы. Не сомневаюсь, что он выбирает в основном женщин.

– Как ты догадалась, уже видела этот фильм? Не просто женщин, а загадочных, интересных женщин, таких как Ты, Натали.

– Интересно в чем же моя загадка. Кажется, Вам совершенно точно была известна моя биография до того момента, как я уехала из нашего города. Поверьте, я не так, чтобы очень изменилась, с тех пор. Единственная просьба к Вам, не зовите меня Натали. Зовите меня Авророй.

– Как крейсер, не могу. И почему такая блажь? А ты говоришь, что нет загадки.

– Не знаю, чувствую себя Авророй, но не крейсером, а женщиной.

– Внешне Ты совсем не изменилась, наоборот, стала лучше. Но вот, что за этой оболочкой. Мне очень хочется заглянуть в вашу душу, мадам Аврора.

Они шли обратно по тому же бульвару, обсаженному липами. Аврора подняла глаза, перед ней был щит, на котором красовалось громадное сердце и под ним подпись «Любовь». Ей пришел на ум первый щит с напоминанием монахини о благоразумии, а теперь вдруг ее призывают забыть обо всем кроме любви. Аврора всегда была очень чувствительна к внешним признакам судьбы и старалась не перечить ее ненавязчивым подсказкам. Она немного огорчилась противоречивым, как ей показалось в этот момент, знакам, подаваемым свыше. Самое сложное и самое увлекательное было верно истолковать их. По тому, как складывалась ее дальнейшая судьба, она могла определить насколько верно она поняла интригу собственной жизни. Но когда ей казалось, что течение относит ее в сторону и не дает проявить собственное «я», тогда самые верные признаки не мешали ей поступить по-своему. Она пришла к выводу, что поступки, совершаемые ее вопреки, а не в согласии с внешним миром, вызывали вначале раз-

лад и дискомфорт в существовании ее и близких ей людей, но, в итоге они были решающими в ее жизни. Такое странное противоречие в ее характере: не идти наперекор судьбе и настоять на своем, нисколько не мешало ей, наоборот, являлось пружиной двигающей ее вперед.

Альтист говорил, жестикулировал, потерял немного в элегантности, взамен приобрел блеск в глазах. Незаметно они дошли до дома, в котором жил Альтист. Открыв дверь своей квартиры, он вздохнул с облегчением. Аврора стояла на пороге в нерешительности. Мучительно решая для себя вопрос, что выбрать: благоразумие или любовь?

– Ну, входи же, я тебя не съем. Все будет как захочешь ты, а не иначе.

– Я как раз бьюсь над этим вопросом. Не знаю, как я захочу.

– Меня всегда в тебе привлекала прежде всего твоя понятливость. Иногда у меня такое чувство, что с тобой можно просто молчать в тишине. Я никогда не пробовал молчать рядом с женщиной. Они почему-то начинают тревожиться от затянувшейся паузы. Хотелось бы иметь возможность попробовать. Убедиться в том, что я прав.

Он подошел к ней взял за руку и перевел через порог. В квартире было тепло, вещи лежали в самых неожиданных местах. Альтист пронесся по комнате, по пути наводя порядок. Книжки, разбросанные на полу рядом с массивным креслом, покрытым пледом, он положил на полку книжного шкафа, и без того переполненного. Кассеты лежали везде: на круглом столе, на стульях.

Аврора внимательно огляделась. Внезапно на нее опять нашло затмение. Она подошла к двум ящикам.. Один был побольше с темным стеклянным экраном. Другой плоской темный лежал рядом. Провела пальцем по поверхности стекла, оставив пыльный след. Задумалась, вдруг вспомнила слова маркиза о говорящих ящиках и повернувшись к Альтисту вопросительно посмотрела на него.

– С того раза когда ты в последний раз была у меня, помнишь пять лет тому назад, я поменял кое какую технику. Все же с японцами сегодня никто не может сравниться. Телевизор, видеомэганитофон.

– Те-ле-ви-зор, – проговорила Аврора по слогам, – видение на расстоянии, так кажется можно расшифровать это слово. Интересно, расстояние в данном случае –это только дистанция или может быть расстояние – через года, века.

– Что ты хочешь этим сказать? Если хочешь поддеть меня, то тебе не удастся. Ты прекрасно знаешь, что я не увлекаюсь сверх меры ящиком. Я всегда предпочту живое общение, живую музыку, все что происходит непосредственно в реальной жизни.

– Знаете что удивительно, это то, что грань между реальной и не реальной жизнью настолько зыбкая, что иногда делается страшно.С Вами такое никогда не случалось? Вы не теряли чувства реальности, забывая на какое-то время где Вы настоящий, а где уже не Вы, а кто-то другой в вашей физической оболочке.

– Не знаю, я только чувствую, что в твоей физической оболочке сейчас кто-то другой, а не хорошо знакомая мне любимая женщина, которую когда-то звали Натали. Тот фильм, о котором я тебе говорил, тоже в некоторой степени об этом. Устраивайся по удобнее.

Он усадил Аврору в то самое единственное кресло, стоявшее на ковре посреди полупустой комнаты. Вставил кассету в видеомэганитофон, опустился на ковер рядом с креслом. Засветился экран. Пошли начальные титры. Кровавый закат, средневековая музыка на фоне развевающихся рыцарских знамен. Аврора неотрывно смотрела на экран. Появился главный герой. Она не удержалась от восклицания.

– Маркиз! Но автор ему польстил. Безусловно он похож. Но у него никогда не было таких благородных манер. Он скорее суетлив и временами подобострастен. И потом такого роскошного замка у него нет. Но может быть у его прадеда. Мне говорили, что маркиз очень похож на своего прадеда, правда никто не говорил, что он был вампиром. Как странно это путешествие

через века. И что удивительно, как людей всегда привлекают злодеи. Не какой-нибудь праведник, всю жизнь проживший безгрешно, с мечтой о рае. Нет, обязательно злодей, физиологический для тех, кто занят физическим трудом и не легко отзывается на сложные психологические этюды и другой злодей, более изощренный, для натур утонченных. Почему злодейство так влечет к себе? И почему если он праведник, то обязательно бедный, несчастный, гонимый и оценен и возвеличен только после смерти. Почему нет богатых счастливых праведников? А есть богатые, коварные и по-своему счастливые злодеи. Они счастливы в своем злодействе. А праведники несчастны в своей праведности.

Альтист смотрел на Аврору с изумлением:

– Что ты сейчас говорила о каком-то маркизе. О чем ты? Ты познакомилась с ним в Париже?

– Удивительно, ты не отреагировал на то, что так волнует меня. Ведь именно для праведников и несчастных обездоленных придумали сказку о рае. Чтобы хоть как-то возместить им те лишения, которые они претерпевают за время своего пребывания на Земле. Никто не посмеет сказать о том, что после, есть только тлен и ничего другого. Для того, чтобы иметь силу преодолевать ежедневный ад бытия им нужно быть уверенными в том, что их сегодняшняя жизнь всего лишь прелюдия к райской. А тебя, как впрочем любого мужчину, волнует совсем другое, Маркиз, – она сделала паузу. – Я отвечу на твой вопрос, мы знакомы с ним сто лет.

– А тогда сколько же лет мы знакомы с тобой, Натали? Натали..... Натали.....

Пробуждение

В дверь постучали. Аврора вздрогнула и разомкнула веки. Хорошенькая головка Лизы выглядывала из полураскрытой двери.

– К вам господин Меликофф, она с трудом выговорила трудную для нее фамилию.

– Я никого не жду. Аврора встала с кресла и потянулась. Хорошо. Передай господину, что я приму его через десять минут.

Аврора прошла в туалетную комнату. Посмотрелась в зеркало, сделала недовольную гримаску, удивившись очередной раз своей некрасивости. Припудрила нос и быстрым шагом вернулась в гостиную, позвонила Лизе:

– Проси.

Дверь открылась и в комнату вошел господин в шелковом шарфе, которого Аврора теперь узнала бы из тысячи. У нее закружилась голова. Ей вдруг стало страшно. Сон и явь смешались. Такое с Авророй никогда не случалось. Сны всегда были немного размытыми, иногда символическими картинками из прошлой жизни и очень редко она видела что-то похожее на вещие сны. Но они были полны загадок, которые нужно было правильно разгадать. Сегодняшний сон невозможно было назвать сном. То, что она пережила и увидела не было похоже на ирреальность. Те необычные вещи, которые она увидела в будущем, меньше всего поразили ее воображение, больше всего ее удивили поразительные совпадения в мышлении людей ее века и далекого будущего. А сейчас она была ошеломлена вторжением в ее реальную жизнь человека из будущего. Аврора решила не торопить события и послушать своего собеседника. Она совершенно точно знала теперь, что они встретятся в будущей жизни. Будет ли какое-нибудь предчувствие у ее собеседника? Или сон, всего лишь сон?

– Мадам должна извинить мой неожиданный визит. Хочу напомнить вам, при каких обстоятельствах мы познакомились с Вами. – Господин Меликофф улыбнулся. – Вы не помните, у маркиза, во время его удивительного эксперимента. Там было всего несколько приглашенных. Нас представили друг другу. Помните, маркиз представил меня как русского золотопромышленника. И я давно собирался попросить маркиза, чтобы он рассказал Вам о моем желании нанести Вам визит, и даже узнал где вы живете. Сегодня мы неожиданно встретились на бульваре рядом с вашим домом, я узнал Вас сразу же, а Вы, похоже, нет, и я совершил неразумный

поступок, я позволил себе вот так, без приглашения прийти к Вам, как если бы мы были с Вами давние знакомые.

Господин Меликофф говорил скороговоркой, изредка поднимая глаза на Аврору.

Аврора сделала жест рукой, приглашая его сесть в кресло у камина, стоящее напротив ее кресла. Она прошла через комнату взяла коробку сигар со столика, предложила их Меликоффу и одну взяла сама.

Господин Меликофф казалось еще больше смутился, наблюдая за тем, как Аврора ловко обрезала кончик сигары и закурила. Он отрицательно покачал головой.

– Мне хотелось бы поговорить с Вами о том удивительном сеансе, который я видел у маркиза. Ваше мнение я очень ценю, знаю Вас заочно и кое-что читал из ваших произведений. Вы всегда так оптимистично воспринимаете действительность и находите для этого очень убедительные доводы. Что вы думаете по поводу маркиза? Я до сих пор пребываю в недоумении, неужели он нашел секрет времени, я видел собственными глазами как господин Н испарился. Я интересовался потом, вернулся ли он обратно, как предполагалось до начала эксперимента? Маркиз долго объяснял мне всю сложность обратного возвращения и даже попытался убедить меня в том, что господин Н. с самого начала эксперимента не собирался возвращаться и для этого у него были веские основания. Господин Н увидел вещий сон, в котором он был здоров, любим, богат, и, единственное, что его насторожило, так это антураж и одежда окружавших его людей. После того, как он проснулся, он выяснил, в каком веке происходили события. Он пожелал вернуться в XVII век. Правда, маркиз ничего определенного не обещал ему. Это я слышал собственными ушами. Единственное, в чем был уверен маркиз, так это в том, что ему удалось преодолеть время. Господин Н был неизлечимо болен. Он знал о своей болезни, хотя близкие делали вид, что все не так уж плохо и есть надежда на исцеление. В данном случае никто ни в чем не может обвинить маркиза. Господин Н слезно молил его отправить его в прошлое.

– А Вы слышали о ком-нибудь еще. Кого маркиз так же успешно отправил в прошлое? Аврора старалась говорить без иронии.

– Да, да, я сейчас припоминаю, одна женщина, довольно преклонных лет. У нее в свое время была очень бурная жизнь. С годами она не смогла найти себя ни в чем. Все осталось в прошлом. Страсти, поклонники. И на склоне лет самым страстным ее желанием стала возможность повернуть время вспять. У нее все время были какие-то странные фантазии. Ей казалось, что она сможет вернуть себе молодость. Она прибегала к разным средствам, к знахарям, гадалкам. Она была женщиной богатой, у нее не было наследников и она могла себе позволить разные причуды. Когда она познакомилась с маркизом, то стала одержимой. Ей хотелось вернуться в свое собственное прошлое. Я не знаю, что пообещал ей маркиз. Но знаю, что с некоторых пор она исчезла. Она была женщиной одинокой, и никто особенно не разыскивал ее. Хотя не исключено, что кто-то из молодых бездельников, которые вились вокруг нее в надежде на ее благосклонность и возможность получить богатое наследство и пытался что-то разузнать. У меня двойное отношение к маркизу. Я в восторге от его необыкновенных способностей, но у меня есть серьезные сомнения. И я беспокоюсь о судьбе людей, которые согласились участвовать в его экспериментах.

– Господин Меликофф, Аврора сделала паузу, извините не знаю, как Вас зовут.

– Владимир, мое настоящее время, а здесь меня называют Вольдемар.

– Дорогой Владимир, может это удивительное совпадение, но я размышляла как раз о том же. И меня мучают те же сомнения. Могу пообещать Вам, что если я узнаю что-либо более определенное о его сеансах, я обязательно сообщу Вам.

– Мадам, я пришел еще и для того, чтобы пригласить Вас на музыкальный вечер, который я днями устраиваю. Прекрасный ансамбль будет играть итальянцев. Я знаю, что Вы меломанка и надеюсь, что Вы согласитесь украсить своим присутствием вечер.

– Я с удовольствием приму ваше приглашение, хотя еще не знаю, что ожидает меня, например, завтра. Я никогда ничего не расписываю заранее. Это мое убеждение. А сейчас, это вообще невозможно. Я могу только пообещать, что если я не уеду из Парижа и буду здорова, то обязательно приду.

– Вы меня несказанно обрадовали мадам Аврора. Надеюсь, что все сложится удачно, вы придете и вам понравится исполнение. Я не буду вам больше докучать своим присутствием. Пришлю Вам приглашение. Мой визит был спонтанным, и я не захватил его с собой.

Меликофф поднялся, раскланялся и энергичным шагом вышел из комнаты. Аврора подошла к окну, скрытому портьерой, и проводила взглядом удаляющийся силуэт. Она подумала, что, вероятно, господин Меликофф живет неподалеку. Он шел пешком. Она не увидела поблизости экипажа. По-прежнему удивляясь невероятному совпадению персонажа, почти живого из ее сна и реального человека, живущего в одно с ней время. Она попыталась вспомнить что говорили об этом человеке на вечере у маркиза. Он представлялся необычной личностью. Богатейший золотопромышленник из России, страстный меломан. Говорили, что он не был женат официально, но жену с успехом заменяла его рабыня. Как ни странно, в их просвещенный век, в России, богатой и талантливой, сохранялось рабство. Владимир Меликофф, фамилией своей обязанный татарину, основателю рода, всем свободным женщинам предпочел свою рабыню. Он также имел смелость вывести ее в свет. Она прекрасна, умна и очень образованна, у нее дивный голос, она учились пению в Италии. Но в России не могли простить ему такой неслыханной дерзости. Жениться на рабыне! Во Франции она вызвала вначале любопытство, а затем равнодушие. Ничего особенного, рабыня она все равно даже в Париже оставалась рабыней. После размышлений, Авроре стало понятнее почему господин Меликофф так заинтересовался ее персоной. Ему хотелось видеть рядом со своей женой блестящую женщину, не имеющую предрассудков своего круга.

Аврора поднялась и подумала о том, что сегодня у нее было слишком много приключений, как реальных, так и привидевшихся.

На следующий день, Аврора еще не проснувшись окончательно, решила, что именно сегодня, в пятницу ей нужно принять окончательное решение. Будет ли она пытаться преодолеть время с помощью не очень разборчивого в средствах маркиза или будет жить дальше своей жизнью, насыщенной событиями и людьми? Неожиданная встреча с Владимиром подстегивала желание прояснить, что же все-таки предпринимал маркиз. Ее странный вещий сон, казалось говорил в пользу эксперимента. Однако, будучи женщиной рассудительной, она склонилась к мнению, что прежде, ей нужно вынудить маркиза рассказать поподробнее о своих опытах. Как ей это сделать? Может она воспользуется тем, что ей привиделось? Прадед маркиза – вампир, а почему бы и нет. В самом маркизе она замечала иногда некоторые странности. Возможно он сам страдает той же болезнью, вампиризмом и пытается скрыть. Аврора решила попробовать использовать свою способность создавать воображаемый мир, для того, чтобы разговорить маркиза. Она позвала Лизу, помочь ей одеться. Прибежала как всегда оживленная Лиза и зататорила прямо с порога.

– Мадам, сейчас принесли письмо, и просили срочно его вам передать.

Аврора взяла письмо, распечатала его. В нем было приглашение от ее вчерашнего неожиданного визитера. В конце была маленькая приписка, в которой говорилось о том, что маркиз также будет присутствовать на этом вечере. Аврора попросила Лизу принести ей чашку горячего молока и снова улеглась в постель. Удивительный непредсказуемый вечер. Он приоткрывает тайну маркиза и, может быть, объяснит каким образом её спутник в странном сне таким волшебным образом возник в ее реальной жизни. Целый день Аврора была возбуждена и не могла найти себе места. Она выкурила несколько сигар, однако это испытанное средство не помогло. Она нервничала. За час до назначенного времени она стала собираться. Долго и придирчиво выбирала туалет. Перемеряла несколько нарядов. Наконец остановилась на платье цвета охры

с оранжевыми искрами. Цвет платья выигрышно оттенял ее чуть рыжеватые волосы. Платье было низко декольтировано. Из украшений она выбрала колье необычного фасона. На золотой цепи грубой вязки были нанизаны золотые шарики разной формы, инкрустированные брильянтами, на пальцах только один большой перстень с желтоватым алмазом неправильной формы. Посмотревшись в зеркало, Аврора осталась довольна. Ей редко удавалось чувствовать себя уверенной в себе, и ей очень хотелось, чтобы её обычная неуверенность не помешала ей в этот вечер.

Музыкальный вечер

Все волнения остались позади и Аврора выйдя из экипажа поднималась по ступенькам роскошного особняка, который господин Меликофф недавно заново отделал, предполагая провести в Париже зиму. Аврора не могла сосредоточиться на окружившем ее великолепии обстановки. Навстречу ей вышел любезный хозяин. Он был оживлен и, казалось, искренне обрадовался приходу Авроры.

– Мадам, я так рад, что Вы приняли мое приглашение. Надеюсь, Вы не будете скучать. Почти все приглашенные знакомы Вам.

К ним подошла женщина, одетая в богатый наряд, блиставший кружевами и драгоценностями. Тяжелое платье не могло скрыть хрупкости и неестественной бледности женщины.

– Моя жена, Анна, – просто сказал Меликофф. Анна улыбнулась и удивительно похорошела. В ней не было жеманства и манерности. Анна была естественна.

– Владимир, позвольте сделать вам комплимент, ваша жена прелестна.

Они прошли в салон. Почти все приглашенные уже собрались. Кресла были расставлены полукругом вокруг возвышения, на котором должны были выступать музыканты. В салоне было немного душно и пахло разнообразными парфюмами. Этой зимой дамы душились терпко пахнущими духами. Через два кресла от Авроры сидел маркиз. Он что-то тихо говорил сидящей рядом с ним даме, внимательно слушавшей его. Маркиз прервался, поклонился Авроре и продолжил свою беседу, сильно занимавшую его собеседницу. Изредка, дама вскидывала на него глаза, вздыхала и опять опускала глаза, вся превращаясь в слух.

На сцену вышли музыканты, расселись и стали настраивать инструменты. В зале установилась атмосфера ожидания и приподнятости, сопровождающая настройку хорошего оркестра. Каждый проверял собственный инструмент, казалось, не заботясь о других музыкантах и все же присущая им всем музыкальность создавала своеобразную мелодию. Струнные выпевали по одной ноте, ручейками стекали ноты духовых инструментов. Аврора очень любила эти мгновения и совершенно забыла о маркизе и о своих планах, она внимательно прислушивалась к первой скрипке, взявшей самую высокую ноту. Дирижер, держа в руках палочку, подошел к пюпитру, постучал по нему палочкой, после чего наступила тишина. Как обещал господин Меликофф, в программе были заявлены итальянцы: Верди и Россини.

Оркестр играл вдохновенно. Легкость, мелодичность итальянской музыки вместе с чудесным владением техникой очаровали всех присутствующих. В антракте Аврора нашла господина Меликофф:

– Я в восхищении, Владимир, я предполагала, что это будет необычный вечер, но Вы превзошли все мои ожидания.

– Надеюсь, что Вы еще будете приятно удивлены. – Владимир загадочно улыбнулся.

В это мгновение к Авроре подошел маркиз. Он улыбался своей обычной любезной, немного слащавой улыбкой.

– Какая удача, что я встретил Вас здесь, мадам.

– В самом деле? А я предполагала, что Вы будете меня избегать, после того, как Вам не удалось сделать из меня очередную вашу жертву.

– На что вы намекаете? Лицо маркиза исказилось, и толстый слой грима на нем, покрылся трещинами. Вся любезность маркиза исчезла мгновенно.

– Я узнала некоторые удивительные вещи о ваших предках, например, о некоем вампире, на которого Вы, маркиз, удивительно похожи, даже внешним обликом. И я подозреваю, что не только внешностью, – Аврора сделала паузу и подняла глаза на маркиза.

Маркиз побледнел. Он подошел к Авроре почти вплотную и зашептал, оглядываясь по сторонам:

– Вы удивительно прозорливы. Но я не думаю, что это удлинит вашу жизнь и приблизит к будущему, о котором Вы мечтаете.

– Вы угрожаете мне, маркиз? Я не боюсь угроз, Вы прекрасно знаете, что запугать меня сложно.

– Ну что Вы, разве я могу угрожать женщине, а тем более такой прелестной как Вы. К тому же Вы оказались провидицей. Мой предок в самом деле был вампиром. – Его губы растянулись в усмешке. – Я предполагал, что на Вас окажет определенное действие наркотическое вещество, его запах смешанный с благовониями Вы почувствовали во время вашего визита ко мне, но я подумать не мог, что окажусь главным действующим лицом ваших грез. Надо отдать Вам должное, мадам, Вы очень быстро оправились от сна.

– Так значит, все ваши чудесные опыты по преодолению времени – это наркотический сон. Если бы Вы ограничивались только этим. Но скажите, куда Вы потом деваете несчастных? Аврора задумалась. – Полагаю, они находятся в вашей власти и в состоянии постоянного наркотического сна.

– Им можно только позавидовать, – прервал ее маркиз – Они достигли своей мечты. А Вам, не нужно загромождать вашу головку. Она и так слишком перегружена. Маркиз поклонился и отошел.

Антракт закончился. Все расселись по местам. Господин Меликофф поднялся со своего места и громко объявил:

– Позвольте представить на ваш суд партию Виолетты из оперы Верди «Травиата» в исполнении моей жены.

В зале пронесся легкий ветерок возгласов удивления.

Анна поднялась с места и прошла на сцену к музыкантам. Она встала рядом с дирижером. Анна запела, волнуясь. Голос набирал силу. Ария отзывалась в ее сердце и выливалась неподдельными эмоциями. Пение захватило ее и вся аудитория, затаив дыхание, слушала, боясь спугнуть капризную птицу вдохновения. Когда она закончила петь, уронив голову на грудь, зал еще молчал некоторое время очарованный волшебными звуками и лишь спустя мгновение взорвался аплодисментами. Анна бледная, прерывисто дышала, обводя зал блестящими глазами. Она остановила свой взгляд на муже, кивнула ему и улыбнулась. Владимир стоял и заворочено смотрел на жену. Люди, сидящие вокруг него, также встали, приветствуя замечательную певицу. Анна спустилась в зал, заняла свое место рядом с мужем. Она вся сияла и похоже была счастлива.

Вечер удался. Музыканты имели большой успех. Они закончили выступать. Господин Меликофф пригласил всех гостей и музыкантов в соседнюю залу, где им предложили напитки и фрукты. Образовалось несколько групп, обсуждавших самые различные темы. В центре одной из них стоял маркиз и что-то оживленно рассказывал окружившим его дамам. К ним медленно подошла Аврора. Маркиз продолжал уверенно говорить о спиритических сеансах, медиумах и связях с космосом. Одна из дам, пухленькая блондинка вся в кудрях и бантиках восторженно глядя на маркиза, пролепетала:

– О! Дорогой маркиз, какое блаженство побывать на таком сеансе! Мне говорили, что эти сеансы Вы проводите только для избранных. Как бы мне хотелось попасть в их число! Прошу Вас, пригласите меня на один из ваших сеансов. Я обещаю, что буду послушно выполнять то, что мне прикажут.

Аврора внимательно посмотрела на блондинку и перевела взгляд на маркиза.

– Маркиз, ваши чары как всегда неотразимо действуют на слабый пол. А Вы не хотели бы пригласить также меня на ваш сеанс, который обещает быть незабываемым.

Маркиз не успел ответить на предложение Авроры. К ним подошел хозяин и самым решительным образом вступил в беседу.

– Я случайно услышал маркиз, что вы собираетесь провести один из ваших удивительных сеансов, на одном из них я уже присутствовал и признаюсь, до сих пор нахожусь под впечатлением.

Владимир стоял рядом Авророй, и она, почувствовав неожиданную подмогу, перешла в наступление.

– Маркиз, Вы не можете нам отказать. К тому же мне в голову пришла как мне кажется чудесная идея. Я слышала, что Вам остался в наследство прекрасный старинный замок в предместье Парижа, и я предлагаю провести предстоящий сеанс там.

– Чудесная идея Аврора, я также присоединяюсь к вашей просьбе – поддержал Аврору господин Меликофф.

– Вы как всегда правы, Мадам Аврора, у меня действительно есть замок, я только не могу себе представить откуда Вам это известно, я никогда никого туда не приглашал, но я скорее всего соглашусь с Вами. – отозвался маркиз, – но при одном условии, – он пристально посмотрел на Аврору, кроме Вас господи я хочу, чтобы на этом сеансе присутствовала госпожа Анна, – и он медленно повернул голову в сторону стоявшей в другом конце залы Анны. Владимир вздрогнул от неожиданности.

– Моя жена слаба здоровьем и ей не под силу подобные испытания. Она слишком впечатлительна.

Аврора разгадала тактику маркиза. Как опытный интриган он выбрал самое слабое звено и таким образом старался обезопасить себя.

– Не беспокойтесь Владимир, я постараюсь оградить вашу прелестную жену от излишних волнений. Вы же не захотите лишиться ее такого удовольствия. Она может услышать и увидеть много удивительного и совершенно неожиданного.

– Вы почти убедили меня, Аврора. Маркиз, вам лишь остается назвать время и место.

Блондинка хлопнула в ладоши:

– Да, да маркиз, пожалуйста.

Маркиз сделал театральную паузу и наконец торжественно, как показалось Авроре, произнес:

– Мой замок находится в Нейи, называется он «Гнездо орла» (Nid d'aigle), такое странное название ему дали совсем не потому, что мои предки считали себя орлами, вовсе нет, замок находится на вершине возвышенности и оттуда открывается прекрасный вид. Люди прошлого века были склонны к преувеличениям, им хотелось видеть в небольшой возвышенности неприступную скалу, в их невинных развлечениях некоторым чудились преступления и страсти, – маркиз выразительно посмотрел на Аврору. Найти замок очень просто. Единственная проложенная дорога в этих местах приведет Вас прямо к замку. Советую вам приехать засветло, хотя сеанс я полагаю мы начнем не раньше полуночи. Я надеюсь, что присутствующие при этом разговоре примут участие в нем и конечно я очень хочу принять у себя несравненную госпожу Анну. Послезавтра. Мы сможем, каждый из нас, получить удовольствие и развлечься. Я не обещаю ничего другого.

Господин Меликофф поклонился и прошел к следующей группе приглашенных. Аврора еще немного пофланировала по салону, а затем сославшись на усталость, попрощалась и уехала.

Спиритический сеанс

Аврора договорилась с господином Меликофф, что они поедут к маркизу вместе, часам к семи вечера. Два экипажа выезжали из Парижа около шести часов. Аврора сидела, откинувшись на подушках и размышляла о том, какое же зрелище приготовил маркиз. Ей было любопытно и немного боязно. В другом экипаже ехали Владимир и Анна. Она была возбуждена сверх меры и говорила без умолка всю дорогу. Ей это было совершенно несвойственно, и Владимир с тревогой поглядывал на нее. Экипажи, влекомые быстрыми лошадьми стремительно продвигались по дороге, поднимая за собой клубы пыли. Спустились сумерки, и окрестности становились все более зловещими. Примерно через час пути перед ними предстал замок маркиза, действительно расположенный на возвышенности. Стемнело и различимы были только смутные очертания средневекового замка. Экипажи подъехали к парадному входу. Замок оставлял впечатление заброшенности. Большая половина его пребывала в темноте. Освещено было только одно крыло. Встречать гостей вышел старый прихрамывающий мажордом, такой же древний, как и замок его хозяина. Он провел гостей в громадный холл, служивший когда-то трапезной. Послышался громкий голос маркиза из внутренних покоев:

– Гийом, проводи гостей в желтую гостиную.

По плохо освещенному коридору они прошли мимо нескольких массивных деревянных закрытых дверей. Предпоследняя дверь была открыта, из нее падал луч света. Гости, сопровождаемые слугой, вошли в гостиную, которую маркиз называл желтой. Стены гостиной были затянуты желтым шелком. Светильники в виде когтистых лап. Пол покрыт толстым ковром, заглушающим звук шагов. Вокруг стен расставлены козетки. Посреди большой круглый дубовый стол, подпираемый тремя ножками, изображавшими львиные лапы. Вокруг стола стояли стулья с такими же ножками как у стола. На одной из стен висел гобелен, изображавший сцену сошествия грешников в ад. Черти тащили несчастных, ангелы кружили вокруг, не смея помочь грешникам. В самом низу гобелена сардонически улыбался властитель ада, глядя на белоснежных ангелов. Над каждым грешником была надпись на старо французском: злодейство, жестокосердие, жадность, обжорство... В камине, обрамленном неотесанными камнями, ярко пылал огонь. Маркиз сидел на одном из стульев за столом. При появлении гостей он встал, поприветствовал их и пригласил их рассаживаться за столом.

– Кроме Вас я больше никого не жду. Остальным приглашенным я послал письма с извинениями. Я сказался больным.

Гости переглянулись.

– Гийом, – обратился он к слуге, – принеси напитки и фрукты освежиться. Не забудь вина, которое я приготовил для дам. Владимир и Анна сели за стол, не в силах оторвать глаз от гобелена. Аврора с любопытством оглядывала всю комнату.

– Мадам Аврора, судя по вашему скептическому взгляду, вы ожидали увидеть у меня в гостиной средневековые орудия пыток или принадлежности колдунов и ведьм. Все обстоит совсем не так, как Вы себе представляли.

– Не угадали, господин маркиз, я оценила стиль вашей гостиной. Я ожидала увидеть приготовления к спиритическому сеансу, похожие на те, что мы видели на прошлом сеансе.

– Дорогие друзья, я решил сегодня быть оригинальным и не устраивать ничего подобного тому, что Вы видели в прошлые разы. Я задумал нечто более интересное, на мой взгляд. Я предлагаю каждому из нас изложить свое видение спиритизма и моих экспериментов. Все собравшиеся в этом замке люди неординарные. Ведь вы не будете отрицать, что вы: Аврора, Анна, Владимир – отличаетесь тем, что у Вас есть талант, который дается не всем смертным. Вы можете глубоко чувствовать и сопереживать, поэтому иногда видите то, что скрыто от других, – маркиз говорил сдержанно, отлично от своей манеры разговоры. Он не улыбался и жестиком лировал меньше обычного. Вошел в комнату слуга и поставил на стол фрукты, вино, воду и бокалы.

– Я полагаю, что первой должна высказаться мадам Анна. Она очень эмоциональна. Кроме того, она нейтральна. У нее нет против меня никого предубеждения.

Анна покачала головой в смущении. Подняла глаза на Владимира, который замер с непроницаемым видом. Аврора вмешалась:

– А почему бы и нет? Если маркиз будет также откровенен, как и мы. – Она повернулась в сторону маркиза.

– Можете не сомневаться, дорогая Аврора. Я буду предельно откровенен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.